

В. 9635

БИБЛИОТЕКА КРЫМОВЕДЕНИЯ

П. В. НИКОЛЬСКИЙ

БАХЧИСАРАЙ

И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

КРЫМГОСИЗДАТ—СИМФЕРОПОЛЬ

.1927

БИБЛИОТЕКА КРЫМОВЕДЕНИЯ

П. В. НИКОЛЬСКИЙ

БАХЧИСАРАЙ

И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

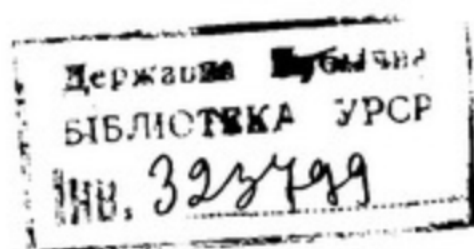
(КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

КРЫМГОСИЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ—1927

Напечатано в 1-й Гостяполит.
„Крымполиграфтреста“ в Сим-
ферополе в колич. 3000 экзем.
Зак. № 2263, Крымлит № 2406.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью настоящего очерка не являлось охватить все исторические и художественные памятники Бахчисарая и его окрестностей. В ряде предлагаемых экскурсий автор пытался наполнить определенным конкретным содержанием только те из них, которые наиболее легко поддаются популярному историческому толкованию. Бахчисарай в них взят в пережитках его старой минувшей жизни. Этот односторонний подход вряд ли может вызвать какие-либо упреки. В каждом уголке Крыма преломилась своя собственная характерная черта его прошлой или современной жизни, Бахчисарай же поучителен и стиличен, главным образом, своей стариной.

Автор.

Экскурсия по городу

I

Из всех памятников татарской старины в Крыму Бахчисарай больше всех говорит о прошлом—говорит красочным и ярким языком старого, прожившего столетия города. Необходимо только внимательно и вдумчиво отнестись к этому уголку Крыма, постараться проникнуться его настроением и оригинальной прелестью. Как и всякий исторический памятник, о котором много пишут и говорят, Бахчисарай легко может вызвать разочарование, особенно у тех, кто приезжает сюда из большого города. В их сознании еще живы ровные мощеные улицы, широкие площади и большие дома, понятные сердцу и уму художественные произведения европейской культуры. Новые своеобразные впечатления врываются неожиданно, скользят по верхушкам сознания, готового ежеминутно вызвать совсем нежелательные и ненужные сравнения,—и остатки былой жизни народа, иной культуры, иной исторической судьбы остаются чуждыми и непонятными,

Чтобы отрешиться от этого предвзятого взгляда современности, увидеть все памятники Бахчисарая в их исторической перспективе, необходимо прежде хоть немного ознакомиться с жизнью самого города и приучить себя к впечатлениям его внешнего облика. Главная улица, на которой стоит дворец—место обычной остановки всех экскурсий, не может удовлетво-

рительная линия, выходящая из-за угла, и, свернув, идти по тротуару, выходящему к мосту. Идти по мосту, поворачивая направо, в один из переулков прихода Табана-Маале (около д. № 93) и подойти ко дворцу, предварительно пройдя всю эту южную часть города. Она очень своеобразна. Змейками расползаются ее узкие улочки в разные стороны. Глухие нижние стенки небольших двухэтажных домиков дают своим однообразием, и это чувство стеснения еще более усиливается от выступающих вперед, нависших над головою крыш. Наверху под крышами по два, по три небольших однорамных окна, иногда загороженных до половины резной деревянной решеткой. Пустынно и безлюдно в этих маленьких переулочках, среди сгрудившихся со всех сторон домов, но за их слепыми стенами как-то странно чувствуется биение скрытой, прячущейся жизни: раздается смех, песня, слышатся слова разговора, звякнут ножницы, и эти звуки доходят до слуха, едва смягченные тонкими стенками—полная противоположность большим городам, где улицы полны людей и оживления, а дома кажутся такими мертвыми и безжизненными.

Скрипнет впереди калитка, и на минуту покажется и скроется фигура пожилой татарки,—вы проходите мимо и чувствуете, что за калиткой кто-то стоит и провожает вас в щелку любопытным взглядом. Пальцы руки, придерживающей дверцу, покрыты на концах красной краской—запоздавшая дань старому, вымирающему теперь обычаю. Молодые более бойки и общительны—иногда целая группа их выглянет из глубины какого-нибудь дворика. Традиционная шапочка редко когда покрывает их головы с туго заплетенными косами; от прежней любви к косметике кое у кого сохранилась привычка чернить брови;

костюм—сшитый по талии халат, иногда застегнутый поясом. Женщины из зажиточного класса более других сохранили старо-татарский костюм, отказавшись только от выходного белого покрывала. Его заменяет теперь большой цветной, ярких оттенков, платок, набрасываемый сверх шапочки. Края его сходятся непосредственно около губ, скрывая на три четверти лицо обладательницы, которая степенно выступает в ярком, широком и длинном до полу шерстяном халате на шелковой или атласной светлой подкладке. Но люди редко встречаются здесь и невольно, среди похожих друг на друга домиков и дворов, взгляд хочет найти какие-либо черты разнообразия. Кое-где обвалившаяся штукатурка стен позволяет проникнуть в способы их постройки: почти всегда они состоят из необожженного кирпича—калыба, заполняющего промежутки между толстыми деревянными балками остова дома. Лишь изредка нижние этажи зданий построены из камня. В других победнее явственно проступает плетенка чубуков-хвороста, слегка замазанная глиной и побеленная.

Остановимся на минутку на перекрестке, который образуют несколько улочек сейчас же за № 47 следующего прихода Кады-Маале. На загибе левого из них стоит небольшой дом, открывающийся на улицу низкой с подковообразным сводом дверью. За стенами его видны два покрытые дерном холмика—это купола старинных восточных бань. В переулке напротив—хорошенький домик со стрельчатыми окнами. Под ним так часто встречающийся в Бахчисарае фонтан. Выше его весь склон горы покрывает большое кладбище, надгробные памятники которого в виде столбов, с обработанными наподобие чалмы концами, напоминают собою покрытую гигантскими грибами лужайку. Наиболее часто группируются они

около небольшой мечети, прячущейся за купою фруктовых деревьев. В ее стенах вделаны несколько таких же надгробных памятников—воспоминание о тех, кто не нашел себе места возле родных могил.

Старая улица в Бахчисарае.

Соседний квартал Сырлы-Чешме носит имя фонтана (около д. № 35), широкая шапка которого и голубая с растительным орнаментом размалевка своим нарядным видом как-то не вяжутся со скромною внешностью окружающих его домов: построен он иждивением какого-то хана и отразил на себе общий стиль дворцовых построек. Непосредственно

за ним, в переулке направо, обращает на себя внимание дом под № 63. Это один из немногих, сохранившихся до последнего времени, образцов старой татарской постройки: по глухой наружной стене его под легким слоем штукатурки видны массивные дубовые балки, скрепленные между собою, вместо гвоздей, деревянными клиньями. Бахчисарайские жители считают такие дома очень старыми, относящимися еще к ханским временам.

Поднимемся еще выше (приход Бурма-Чешме) и оглянемся назад: теперь делается вполне ясным происхождение своеобразной формы бахчисарайских домов. Если посмотреть сверху, они представляются уже одноэтажными и по внешнему своему виду мало чем отличаются от степных татарских построек или домиков Эски-Юрта и Азиса, равнинных предместий Бахчисарая. Второй нижний этаж понадобился для того, чтобы создать на покатости крутого склона ровную площадь для жилья. Отчасти он служебного назначения, но, более защищенный от холода и ветров, служит владельцам и для жилья в недолгую крымскую зиму. Старые, обнаженные стены домов обнаружили пред нами последовательную цепь приемов постройки, самый первобытный из которых — плетенка чубуков — стоит в непосредственной связи с тем деревянным остовом кочевой кибитки, который некогда покрывался войлоками, а в новых условиях оседлой жизни стал замазываться глиной и покрываться известкой. На смену плетенке пришел калыб, и только теперь, почти на наших глазах, камень стал употребляться на фундаменты построек и даже на целые дома. Окна и двери со стрельчатыми или подковообразными сводами явились позднейшими наслоениями в постепенном развитии татарского дома: это отложения мусульманского

искусства, перенесенные сюда из архитектуры дворца и мечетей. Как и юрты кочевников, почти все дома смотрят фасадом на юг, и темной ночью, когда в них зажигают огни, Бахчисарай с южной стороны дает красивое оригинальное впечатление: как будто море раскинулось у ног и фосфорится маленькими сверкающими блестками.

Все домики не имеют непосредственного сообщения с улицей—вход в них идет через небольшие дворы с одной, двумя парами деревьев. Выходные калитки, по большей части, приподняты над мостовой несколькими рядами ступенек. Одностворчатые или двухстворчатые их дверцы имеют посреди довольно большую медную розетку с прикрепленным к ней таким же кольцом. Это не только ручка, но и своеобразный звонок. С его старинным видом плохо вяжется новенькая дощечка с обозначением номера дома и прихода, к которому он принадлежит. Но эти цифры и написанные русскими буквами непонятные названия восстанавливают также картинку прошлого. Современное деление города повторяет его прежнее дробление на приходы: все эти узкие переплетающиеся улочки жмутся к одному или, верней, разбегаются от одного главного центра—приходской мечети с неизбежным мектебом (училищем) около нее. Несколько их уже встречалось на нашем пути, помогая разобраться в запутанных переулках своими стройными, четкими, на фоне неба, минаретами. Соседняя мечеть Вурма-Чешме не повторяет их устройства. Ее минарет представляет собою маленькую каменную будочку, едва приподнятую над землей на несколько ступенек. Таких минаретов довольно много в Бахчисарае, а еще больше среди сельских мечетей Крыма. Быть может, их примитивная форма оригинального происхождения и зародилась

впервые еще тогда, когда кочевые татары стали только знакомиться с мусульманством. Такой постройки мечеть мы найдем и в следующем приходе Асма-Кую, за глубоким оврагом, стремительно врезавшимся в самую гущу домов. Это один из прелестных уголков Бахчисарая: повисшая над скатом

Старинная мечеть.

оврага старая мечеть отенена двумя стройными тополями, единственными в этой возвышенной части города, а немного выше ее тихо журчит небольшой фонтан. Маленькие домики как бы расступились по сторонам, давая отдых от впечатлений скученности, тесноты и грязи, которые все время нас сопровождали. Внизу раскинулся по осыпям ущелья город, а в глубине его, направо, широкое пятно зелени садов обозначает собою местоположение дворца.

Мечеть Асма-Кую, как и большинство мечетей Бахчисарая, поражает своим запущенным видом. Уничтожение вакуфов, т. е. тех имущественных средств, которые в прежнее время щедро поступали

от населения в пользование духовенства и шли на содержание его и ремонт мечетей, в корне подорвало их прежнее благосостояние, а освободившееся от морального гнета мусульманское население оставило их в жертву постепенного разрушения. Разбитые стекла, обвалившаяся штукатурка, ворохи разорванных, когда-то священных книг на полу—ярче всяких слов говорят о неизбежном окончательном крушении старого мирозерцания. Это ощущение смерти и запустения еще более подчеркивает картина соседнего кладбища, огромный пустырь которого развернулся направо от нас.

И под впечатлением этого чувства невольно кажется, что причудливые, странно-выветривающиеся скалы напротив нас, по другую сторону ущелья, повторяют в огромном размере надгробные памятники мусульманского кладбища; начинает казаться, что и весь Бахчисарай является случайно сохранившимся памятником старины, давно исчезнувшей повсюду жизни.

Экскурсии по производству

Главная улица Бахчисарая является средоточием его ремесленной и коммерческой жизни. Еще недавно эта жизнь была здесь полным ключом, поражая заезжего человека своею красочностью и оригинальностью. Узкая улочка казалась вся насыщенной звуками: стук и звон в мастерских, с открытыми прямо на улицу окнами, зазыванья торговцев, звонкие выкрики разносчиков сладостей и национальных блюд в больших, подвижных кухнях—все сливалось в один сплошной гул, и ухо долгие еще хранило его раздражение, чутко воспринимая мертвую тишину ханских садов и дворца. Теперь почти так же тихо и на главной улице Бахчисарая. С большим трудом он вышел из

тяжелых испытаний голодных лет, и только теперь в этом центре города начинают появляться признаки былого оживления. Снова возникают лавки и магазины, начинают работать мастерские, но в их внешнем виде и устройстве уже чувствуется утрата старинных, оригинальных форм и сильнее сказывается подражание чужим образцам. Познакомимся ближе с этой стороной жизни города и постараемся, насколько возможно, восстановить ее прежний облик.

Прежде всего пройдем на кожевенные заводы: их предварительный осмотр позволит нам составить понятие о былом развитии бахчисарайских производств и даст возможность выйти на главную улицу со стороны городских ворот—наиболее удобного исходного пункта для обозрения ремесленной и торговой жизни Бахчисарая. Кожевенных заводов и сейчас очень много. Начиная почти от ханского дворца, они тянутся сплошной вереницей в направлении вокзала по течению реки Чурук-Су. Одно за другим идут

Бахчисарайские
кожевники.

деревянные строения в два этажа, покрытые широкими крышами. Под ними сушатся растянутые правильными рядами кожи, напоминая собою группы спящих огромных летучих мышей. Всюду вокруг зданий и на внутренних их дворах почва пропитана сыростью, кое-где покрыта краской и разными отбросами, издающими специфический запах кожевенного завода. Во дворе вырыты ямы, выложенные глиной, иногда имеются и каменные чаны: в них, в известковом

растворе мокнут козлиные и бараньи шкуры. Нижние этажи зданий представляют собою сараи с незастекленными отверстиями окон, позволяющими свободно разгуливать ветру. Тут можно увидеть, как в ямах, наполненных водою, рабочие полощат ногами очищенные от шерсти кожи, чтобы освободить их от известкового раствора, как перекладывают их руками в настое сумаха, как кожи красят, предварительно свернув надвое, в небольших чашках, наполненных горячей краской, состав которой является тайной бахчисарайских мастеров, и как, наконец, наводят на них глянец посредством деревянной машины, приводимой в движение руками трех рабочих. Она—сравнительная новость и заимствована около двадцати лет назад из Константинополя, а раньше кожи полировали прямо от руки обыкновенной кизилевой палкой. На всех заводах повторяется эта, повсюду одна и та же, картина глубокой старины, первобытных приемов производства.

Иногда удастся увидеть на стене завода небольшую дощечку, покрытую надписью, это, так называемая, левха: „Каждое утро,—гласит она,—моя мастерская открывается именем Бога и Шейх-Мухаммед мой пир и учитель“. Татарское предание рассказывает, что этот Шейх-Мухаммед, сподвижник и родственник по жене одноименного с ним основателя ислама, впервые выработал цветные кожи, а Али—его тесть—при помощи рукоятки своего кнута придал им глянец. Тогда их джигиты, в числе тридцати двух, выбрали себе каждый какое-либо ремесло, став его основателями и покровителями (пирами¹). Такие же дощечки, только с иными именами, мы встретим и на дверях других мастерских.

¹) Хартахай. Историческая судьба крымских татар.

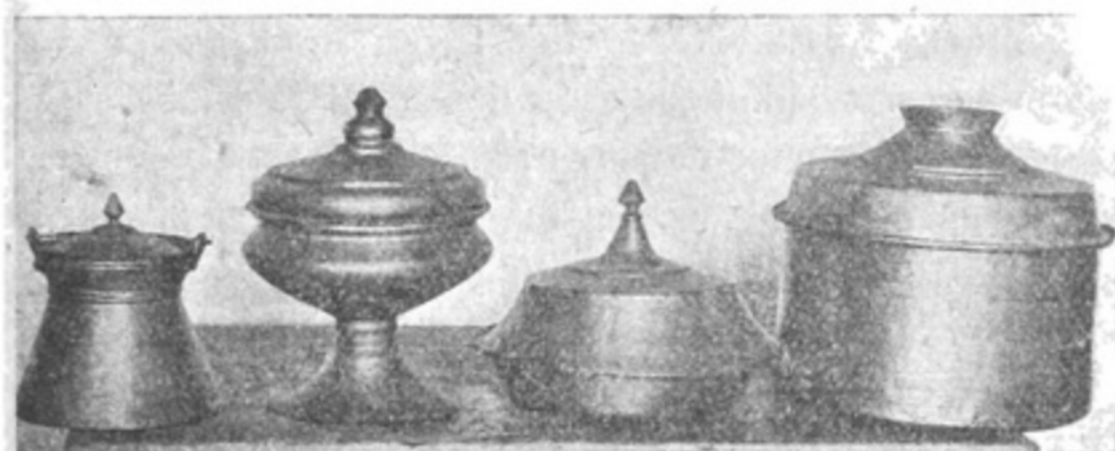
Пройдя длинный ряд заводов, свернем где-нибудь за приходом Абит-Эфенди на главную улицу. Первое впечатление—звон кузнечных молотов—привлекает нас к одной из невзрачных лачужек, откуда раздаются эти звуки. Во владельце ее нетрудно узнать цыгана, небольшая слободка которых раскинулась недалеко на осыпи скалы. Это шумное ремесло примостилось на самой окраине города. Ближе к центру работают войлочники (киизчилер), некогда занимавшие целый квартал. Работа их очень интересна своею самобытностью. Она требует некоторого простора помещения, и их мастерские представляют собою большую комнату, низкий потолок которой подпирают несколько деревянных колонн; в одном углу стоит большой котел с булькающей в нем от сильного кипения водою, в другом нагромождены целые ворохи шерсти. К стенам прикреплены несколько тонких и гибких удилиц, к концу которых длинной крепкой бечевкой привязаны странные орудия, своею формою и величиною напоминающие арфы, но только с одною толстою струною. Дерево этого орудия настолько легко, что его можно удержать одной рукой в горизонтальном положении. Усевшись плотно на полу, мастер правой рукой ударяет тяжелой деревянной колотушкой по струне, направляя ее на брошенный перед собою ворох шерсти, и от дрожания струны шерсть разлетается в разные стороны тонкими нежными хлопьями. В это время другой мастер легкой вилочкой о пяти пальцах, сделанной из тростника, собирает пушистые хлопья и осторожно, соблюдая возможную соразмерность, раскладывает на длинной, наполовину скрученной цыновке, пока не образуется слой приблизительно в одну четверть. Потом он берет выдолбленную тыкву, в которой просверлены небольшие

дырочки, и, наполнив ее горячей водой, основательно поливает шерсть. Вслед за этим ковер скручивается, наподобие тех слоеных пирожков, которые продают в буфете станции, заворачивается в холсты и увязывается вдоль и поперек веревками. Взяв в руки четки, мастер сильными движениями ноги начинает катать этот тук на протяжении $1\frac{1}{2}$ —2 саженьей. Необходимо эту операцию проделать 60—70 раз и четки служат для того, чтобы не сбиться со счета. Через полтора часа войлок уже готов: его развязывают, подрезывают края, снова поливают горячей водой и вешают сушиться на ветер. Все движения рук и ног работника обнаруживают ловкость и точность, приобретаемую только большим опытом, и он, действительно, может рассказать, что был при этом ремесле с самого детства и точно таким же образом до него работали и его отец, и дед, и прадед.

Когда-то по соседству с войлочниками целые кварталы занимали ремесленники по металлу: оружейники (тюфекчилер), слесаря (чилингилер), медники и лудильщики (бакырджылар и калайджылар). Один вывоз из Бахчисарая ружей достигал до двух с половиной тысяч стволов, которые, по словам современника, „весьма ценились во всей оттоманской империи¹⁾“. Теперь сохранилось только несколько мастерских медников. Здесь можно видеть, как они из больших листов меди выковывают на вертикально вбитых в землю металлических брусках оригинальной формы посуду: огромные тазы, кувшины и чашки, блюда с крышками и т. п. Среди массы всякого хлама, загромождающего углы мастерских, находится много уже негодной посуды старой работы. Сравнение ее с новой ясно покажет, насколько упало это ремесло в смысле изящества и оригинальности отделки.

¹⁾ Пейсонель.

Ряд лавочек с вывешенными на окнах качалками для теста, деревянными туфлями и прялками и стоящими у дверей большими кругами татарских столов, с раскрашенными в яркие веселые цвета детскими люльками покажет нам местоположение бывшего квартала токарей (бшикчилер). Войдем в одну из них: на особом помосте, занимающем половину комнаты, сидит татарин, упершись ногами в деревянный станок, состоящий из двух параллельных брусьев, соединенных между собою подвижным шарниром. По их краям

Медная посуда.

друг против друга прикреплены два согнутых под прямым углом металлических гвоздя, между которыми вставлен обрабатываемый кусок дерева. Его обнимает двумя обхватами тетива своеобразного инструмента, напоминающего собою слабо согнутый лук, который мастер держит в правой руке. Двигая этот инструмент сильными движениями руки, он приводит кусок дерева во вращательное движение и в это время стамеской разной величины вытачивает на нем различной формы углубления. Под этими скорыми движениями рук дерево принимает надлежащий вид с легкостью глины на станке гончара. На том же станке, не прекращая вращательного движения, производится и окраска выточенных

предметов, для чего прикладывают к ним плитки сухих красок—зеленой, красной и черной. Таким же точно образом происходит и их полировка. Сравнивая впоследствии незамысловатые изделия нынешних бахчисарайских токарей с обработкой деревянных частей дворца и мечетей, представляющих иногда высоко-художественные произведения, придется отметить, как и у медников, качественный упадок и этого ремесла.

Минуя малоинтересных шорников и выделывателей постолов, разыщем мастерскую торваджи (ремесленника, делающего торбы для лошадей). Узкое и длинное помещение, слабо освещенное маленькими окнами, протянувшиеся от стены до стены ряды тонких шерстяных нитей идвигающаяся среди них взад и вперед темная фигура работника—пробуждают в уме странное и далекое воспоминание: как будто мы видим огромного паука, раскидывающего свою сложную сеть. На боку у мастера привязан большой мешок с шерстью, от которого тянутся к колышкам веретена две нити, растущие под руками мастера все время, пока он отходит в противоположную сторону. Эти нити получают витыми, благодаря движению колеса на веретене, приводимого в действие тонкой бечевкой, привязанной к поясу работника. Из них другой мастер, сидя поджавши ноги на полу, плетет торбы: необходимо два параллельных ряда нитей, натянутых на пальцах в вертикальном к работнику положении, переплести третьим горизонтальным рядом, чтобы сделать один такой ряд, приходится произвести целых пять движений руками. Но плетенка получается чистая и аккуратная, а разнообразный цвет ниток—белый, серый, красный и черный—придают ей довольно изящный вид.

Уже в самом центре города, поблизости от дворца, можно отыскать мастерскую ювелира. На окне несколько штук колец, брошки, застёжки для пояса, серебряные и позолоченные с растительным орнаментом круглые пластинки—украшения женских шапочек. Кропотливо и медленно выделяет мастер из коротеньких серебряных проволочек отдельные части растительного орнамента: ободки листика и цветка с корешком, внутренности их и т. п., соединяет их между собою или путем механического вдавливания или спаивая одну с другой, ударами маленькой ступки придает им несколько выпуклую форму и из всех этих листиков и цветков создает, наконец, красивую безделушку с рисунком сложным и изящным. Их инструменты крайне просты и примитивны: маленькая наковальня и раздувательный мех, несколько различной величины пинцетов, металлические пластинки с рядом дырочек для вытягивания из слитка проволоки, а иногда просто просверленный медный пятак, оригинальной формы ступка. Только стоящая в стороне современная машина для фальцовки проволоки несколько нарушает первобытный вид этой мастерской.

Не доходя до прихода Орта-Джами, последовательный ряд ремесленных мастерских обрывается, все чаще начинают попадаться лавки с живностью: овощами, фруктами, мясом. Вся улица приобретает вид обыкновенного рынка. Старинные названия говорят, что он расположился на месте старого: сперва идет Туз-базар—сольный, потом Соган-базар—овощный, выше, в проулке Ашлык-базар—хлебный рынок. Пройдем несколько дальше по линии приходов Орта и Эни-Джами. Здесь картина снова меняется—начинают преобладать лавки и магазины современного вида с галантерейным, колониальным, аптекарским и другим

привозным товаром. Они заняли место старых Караван-Сараев—больших гостиниц, предназначенных для коммерческих целей. Эти кварталы носят название Базиргянлар-ичи—мануфактурщиков. Почти исключительно это были местные крымские греки, армяне и караимы. В их лавках преобладали заморские товары—французские, голландские и польские сукна и камлоты, согласно духу времени, ярких оттенков и цветов: красного для шаровар, зеленого, голубого, коричневого для верхней одежды, и особенно любимых высшим сословием разноцветных полосатых—желтого с зеленым, красного с синим или черным, голубого с фиолетовым; шелковые ткани из Хиоса, парча и атласы из Венеции, ярко-малиновые бархаты из Бруссы и Константинополя, ковры из Смирны и Салоник. Были и ткани попроще, шерстяные и бумажные, для людей победнее, но такие же яркие и цветистые. Мы уже видели живые иллюстрации этих вкусов старины на выходных нарядах бахчисарайских женщин. Наряду с мануфактурой встречались и колониальные товары: рис из Филиппополя, сушеные фрукты из Анатолии, лимоны и апельсины из Хиоса, кофе, сахар и разные пряности. Была и галантерея, золотые, серебряные и шелковые нитки для вышивок, такие же позументы, иголки из Голландии, из Франции; продавались белила и румяна, зеркала, гребенки и т. п. мелочи. Привозили сюда и стеклянные изделия из Польши, Германии, Венгрии и Венеции и разного рода металлы: свинец, олово, ртуть, Трапезундскую медь, железо из Румелии и Венецианскую сталь.

За этим торговым кварталом вплоть до самого дворца снова шел когда-то ряд мастерских: в них вырабатывалось холодное оружие, главным образом, ножи (пичакчилар), выделялись из сафьяна разные

предметы обихода (сарачлар), приготавлилась обувь (араста).

Поднимемся по одному из переулков прихода Ени-Джами на верх осыпи: название прихода Ермини-Маале и небольшой фонтан с высеченным на нем крестом подскажут, что мы находимся на месте старой армянской слободы, где когда-то останавлива-

Башмачник.

лись у единоверных с ними жителей ее приезжавшие в Крым польские послы и одно время имела свое местопребывание иезуитская миссия. Глядя отсюда сверху на только что пройденный путь, постараемся, хотя бы отчасти, восстановить характерные черты старого Бахчисарая.

Обширное пространство, занятое в прошлом мастерскими, по сравнению с небольшою торговою частью, ясно указывает на ту ступень хозяйствен-

ного развития города, когда торговый капитал не овладел еще производством, и старая лавка-мастерская сохраняла преобладающее значение на местном рынке. Эта черта далекой старины в организации общественного труда и обмена подтверждается и рядом мелких наблюдений, вынесенных нами при посещении мастерских. Мы видели почти везде ручной труд, тяжелый, благодаря первобытным несовершенным орудиям, разделение которого между работниками носило повсюду довольно случайный характер; В большинстве случаев ремесленники исполняли или частные заказы или работали на удовлетворение текущего спроса. Почти каждый из них мог насчитать несколько поколений своих предков, занимавшихся тем же самым ремеслом. Все эти явления, несомненно, еще резче сказывались в прошлом и, вместе взятые, дают картину того уклада ремесленной жизни, который своими корнями уходит в далекое средневековье. Ценный намек на это представляют собою и те небольшие дощечки с религиозною надписью, какие встречались в некоторых мастерских. Упоминаемый в них „пир“ аналогичен патрону средневековых цехов и, таким образом, эта короткая посвятительная надпись говорит о том, что в Крыму, как и повсюду, первоначальные условия развития городской жизни создали необходимость объединения ремесленников.

В состав цеха входили: мастер (уста), подмастерья (калфа) и ученики-мальчики (шергит); во главе стоял главный мастер—уста-башы, имевший двух помощников: по административной части—гигит-башы и нечто в роде курьера—чауш. Спустя три года, новопоступивший ученик переводился в разряд подмастерьев. Сделаться мастером он мог только, выдержав соответствующее испытание, что приурочи-

валось ко времени женитьбы. Посвящение в мастера и избрание администрации происходили на особых празднествах в честь пиров-покровителей ремесл (теферучах). В прежнее время до 1827 года они носили грандиозный характер общецеховых собраний, происходивших в шести верстах от города в долине реки Качи. Сюда стекалось все ремесленное население Бахчисарая под знаменами своих цехов (санджак). Позднее теферучи были перенесены в Бахчисарай и собирались на вакуфных землях в глубине ущелья около Орта-Медрессэ. Здесь при большом стечении народа, под любопытными взорами женщин, покрывавших уступы соседних скал яркими пятнами своих цветных нарядов, происходила торжественная религиозная церемония, руководимая духовным покровителем цехов накыбом и его помощником серчешлие. Эти два лица могли принадлежать только к роду сеитов, потомков Мухаммеда через его дочь Фатиме и зятя Али. Среди толпы выделялись ищущие звания мастера белыми перевязями через плечо; такие же перевязи были и у детей, приносимых сюда отцами-ремесленниками для зачисления в цехи. Вслед за религиозной церемонией происходило избрание уста-башы и их помощников и посвящение в звание мастера. Собственно выборов не было, а звание уста-башы вместе с присвоенными ему почетным посохом (сырлы-таяк) и парадной одеждой—желтыми сапогами и нарядным халатом и кушаком—покупалось за деньги. Их получал тот из мастеров, кто вносил больше денег в общественную кассу цеха, служившую для удовлетворения потребностей корпорации и целей взаимопомощи. Обряд посвящения мастеров носил оригинальную форму прохождения через ворота (капу), которые образовывали стоящие друг против друга „накыб“ и „серчешлие“. Пропуская

мимо себя длинную вереницу посвящаемых, наподобие ударял каждого по спине и произносил следующие слова: „Не запирай никогда своих дверей, не открывай дверей своего ближнего (не воруй) и работай столько, сколько это необходимо для твоей жизни“. Последняя фраза этой формулы, выражая пожелание быть довольным своею судьбою и не стремиться к лучшей доле, очень характерно передает основную черту современной ей психологии, типичной для средневекового общества, которое было разбито на ряд отдельных изолированных друг от друга слоев и состояло из различных цехов, гильдий, сословий с прочно определенными правами и обязанностями каждого, с своей собственной корпоративной жизнью. Теферучи заканчивались обыкновенно общественной пирушкой, играми и борьбой.

Несмотря на значительный сравнительно вывоз крымских изделий за границу, торговый капитал еще не достиг здесь своего полного развития. Местный рынок обходился пока без посредничества, предоставляя ему только возможность поставлять из-за границы предметы роскоши и искусства. В связи с этим значение торгового класса не было достаточно устойчиво и носило свойственный средневековой торговле элемент крупного риска. Правда, ханы наделяли иногда купцов разными льготами и привилегиями, но им все-таки приходилось много терпеть, по словам современника, „от докучливых придирок тарафанаджисов (управляющих снабжением ханского двора), султанов, князей, придворных людей и мурз, которым приходилось отдавать товар в кредит, причем трудно было получить уплату, а еще труднее было привлечь их к суду“. При всем том был постоянный риск потерять почти все при смене хана, так как главным покупателем были все-таки он и его двор.

Наша экскурсия по городу закончена. Одна за другой проходили все время перед нами черты далекой старины: мы видели скученность отвернувшихся от улицы домиков, укрывшихся за естественными стенами высоких скал, узкие искривленные переулки, рассеянные повсюду остатки развитой прежде религиозной жизни, замкнутость отдельных национальностей в особых кварталах и т. д. Все это черты средневекового города. Но за ними, придавая им отпечаток оригинальный и своеобразный, чувствовались почти всегда неуловимые следы иных, еще более древних форм жизни,—отголоски пастушеского и кочевого быта татар.

Теперь нам необходимо выяснить взаимное отношение города и дворца. Пройдем поэтому далее на восток прямо по осыпи скалы и станем напротив дворца. Здесь у подошвы известковых скал, как на ладони, виден почти весь Бахчисарай. Справа и слева по склонам ущелья лепятся, сливаясь в сплошные белые пятна, маленькие домики. Они как бы жмутся друг к другу и все вместе тесным кольцом окружают дворцовые сады. Внизу тонкой змейкой вьется улица базара. Выше его, у наших ног,—те же домики-игрушки, увитые зеленью, с крытыми дворами-беседками, пересеченные вкривь и вкось узкими переулками. Кое-где на крышах их бросаются в глаза характерные высокие трубы-дымоходы с острокопечной шапочкой, напоминающей колпак арлекина. Такие трубы попадались и раньше в других частях города и такие же точно трубы видны на крышах дворца—сходство, заставляющее предполагать какую-то связь между ними.

Сопоставим теперь все накопившиеся от осмотра города впечатления с открывающейся перед глазами панорамой, с сплошным белым муравейником город-

ских домиков, теснящихся вокруг зеленого пятна ханских садов и с просторно раскинувшимися вокруг большого внутреннего двора дворцовыми постройками, привлечем еще самое название Бахчисарай— „дворец в садах“, и мы получим несколько руководящих указаний относительно возникновения города и его характера в прошлом. Несомненно, его основной частью является дворец, к которому со всех сторон тянутся эти беленькие домики.

Действительно, политические причины заставили первых Гераев перенести административный центр вновь образовавшегося ханства из Старого Крыма (Солхат) далее на юг, вглубь полуострова, под защиту малодоступных и трудно проходимых гор. Живописное покрытое лесом и садами ущелье, примыкавшее к древней крепости Кырк-Ер (ныне Чуфут-Кале)— с одной стороны, а с другой — сливавшееся с привычной, родной степью, привлекло их внимание, и здесь возникает с начала XVI века постоянная резиденция ханов. Нынешний дворец их построен в половине XVIII века на месте старого дворца, уничтоженного пожаром при взятии Бахчисарая русскими в 1736 г., но в самом расположении дворцовых построек он в значительной мере повторяет своего предшественника. Сравним нынешний вид дворца с планом его 1798 г. и с следующим описанием Манштейна, видевшего еще старый дворец до его уничтожения: „Во двор ханского дворца ведет каменный мост, перекинутый через небольшой ручей, который оmyвает дворец. Берега ручья выложены камнем. Дворцовый двор, довольно обширный, представляет собою квадрат, обставленный строениями... По правой стороне его находится старый дворец хана, в котором он жил... Строения эти окружены садами и фонтанами свежей чистейшей воды, проведенными

из горных источников, и хотя постройка их не отличается ни правильностью, ни роскошью, однако, нравится своею опрятностью и изяществом. По левой стороне двора есть строения, из которых в среднем жили невольники хана... Пройдя дальше, выйдешь к конюшням хана, каменному строению длиною в пятнадцать саженей... Большая ханская баня при-
мыкает к ханскому дворцу...

Это сравнение дает нам возможность сделать вывод, позволяющий угадывать во владельцах дворца не столько государей-правителей, сколько государей-собственников. Во всем явственно проступают черты частного быта. Ни одного здания чисто государственного назначения нельзя указать среди помещений дворца, наоборот, даже самый дворец — местопребывание ханов — скрыт от посторонних глаз за целым рядом хозяйственных построек. Его окружают кухни, бани, амбары, конюшни, помещения для дворни, даже лавки — показатели того, что государство еще окончательно не изжило систему натуральных налогов, благодаря которой в руках хана сосредоточивались большие запасы материальных благ, которые приходилось так или иначе реализовать.

Значительное число ханских придворных, всякого рода должностных лиц не могло, конечно, поместиться во дворце, чему свидетели те домики с характерными трубами, которые разбросаны в разных местах Бахчисарая. Владельцы этих домов принадлежали по большей части к числу ханских служилых людей „капы-кулов“, его личных вассалов. Они получали от хана земельные угодья и служили либо при дворце, либо в его личной гвардии. Сословию этому ханы особенно покровительствовали, стараясь противопоставить его другой части своих вассалов — беям и мурзам, но и политически и материально

капы-кулы до последних дней существования ханства стояли значительно ниже потомков этой старой родовой аристократии.

Нужды крупного ханского поместья, самое значение его, как более или менее постоянной резиденции ханов и, следовательно, государственного центра Крымской Орды, потребности, наконец, группирующегося около хана военно-служилого сословия—все это способствовало постепенному сосредоточиванию в долине Чурук-Су рабочего и торгового люда. Таким образом, Бахчисарай сделался городом, развившись понемногу из большого феодального поместья, с населением, составившимся из людей, принадлежащих, главным образом, к военно-служилому, ремесленному и торговому сословиям, т. е. к сословиям, или сравнительно малообеспеченным, или, как торговцы, недостаточно еще сильным, чтобы проявить в чем-либо свое материальное благополучие. Это и объясняет, отчасти, тот контраст между дворцом с его обширными садами и бедным, жалким видом города, который существует не только сейчас, но был таким, как говорят старые описания, и в прошлом.

Ханский дворец

Нам необходимо присмотреться повнимательней к ханскому дворцу: жилище властителей государства должно так или иначе отразить и характер их власти и общие условия государственного быта. Лучшим местом, откуда виден весь дворец, является осыпь ущелья напротив дворцовых ворот или минарет ханской мечети. Отсюда, с вершины, ясно видно, что крыша главного корпуса состоит из отдельных частей, расположенных одна выше другой. В распределении их нельзя уловить никакой системы и порядка, зато выходящие далеко за стены выносы их краев при-

дают дворцу очень живописный вид. Глядя на эти крыши, на выступающий слева павильон Крым-Герая, чувствуешь, что и вся масса здания состоит из отдельных, несимметрично связанных между собою частей. Отсутствие единства, цельности архитектурного плана дворца наводит на мысль, что отдельные части его

Вход во дворец

возникали разновременно, что он неоднократно подвергался переделкам. Все это, вместе с общим обликом дворца, очертаниями его невысоких стен, маленькими окнами без ниш, разделенными узкими простенками, говорит о легкости постройки, типичной для владыки народа, окончательно не забывшего свое кочевое прошлое. Материал, из которого почти целиком построен дворец,—тот же самый калыб, который мы видели в других постройках Бахчисарая. В этом сказался весь бытовой консерватизм народа, заставивший людей, стоящих внизу общественной лестницы, строить игрушечные, подбитые ветром домики, а людей, находящихся на высших ступенях

ее, создать этот оригинальный, изящный и в то же время такой хрупкий памятник прошлого.

Но те же самые особенности архитектуры дворца говорят еще и о другом: в них нашла себе видимое отображение и характерная черта государственного устройства Крыма—власть Гераев была так же непрочна и хрупка, как и их дворец, хотя внешне, как и он, декоративно-красива. В течение тридцати пяти лет с 1736 г. по 1771 г., т. е. со времени разрушения старого дворца и до года, когда судьбами Крыма стали на деле распоряжаться русские, ханская власть семнадцать раз переходила из рук в руки. Из пятнадцати (двое из них ханствовали по два раза) правителей с различными вкусами, требованиями и привычками нашелся, конечно, не один, который приложил свою руку к ханскому дворцу.

Слабость ханской власти обуславливалась двумя причинами, взаимно питавшими и поддерживавшими друг друга: зависимостью Крыма от Турции и устойчивостью того, своеобразной формы, феодализма, который вырос на фундаменте разложившегося родового строя пастушеских племен.

Уже в 1476 г. Гераи оказались в вассальной зависимости от турецких султанов, и османское правительство скоро нашло весьма действительное средство держать в своих руках правителей Крыма. Оно удерживало вблизи Константинополя несколько царевичей из рода Гераев и, в случае недовольства ханом, заменяло его одним из этих кандидатов, жадно ожидавших поскорей отведать „халвы властительства“. Новый избранник являлся к „порогу счастья“, целовал землю и получал напутствие падишаха в таких словах: „Ты воспитан моими щедротами, я тебе даю ханство и посмотрю, каков ты. Ты должен душой и телом стараться под моим августейшим

покровительством. Я ожидаю услуг от тебя“. Затем на него надевали соболью шубу, вручали разукрашенную саблю и такой же сюргуч (головное украшение из перьев); при этом падишах говорил: „Поступай согласно моему удовольствию и берегись моего проклятья. У меня много благосклонности к тебе, так ты будь правдив“¹⁾. В сущности, единственная услуга, которой требовали от ханов их сюзерены, заключалась в военной помощи, и ханы, угождая им, истощали в продолжительных войнах силы своего государства.

В современной мирной, даже несколько сонной обстановке Бахчисарая трудно себе представить картину военного оживления, предшествовавшего этим частым походам. Забудем же на минуту настоящее, перенесемся за два с лишним столетия назад и взглянем на развернувшийся перед нами городок глазами русского современника. Он вышел посмотреть на въезд султанского посланника, привезшего указ о походе, подарки хану и денежную субсидию на нужды войны. „В Бахчисарай наперед въехали сеименские (гвардейские) билюк-баши (начальники) по два человека в ряд. За ними везли турчане в один ряд кафтан да саблю: кафтан золотной, холодной, завернут в белой тафте, а сабля обернута алым атласом, а с ними по правую руку ехал казнадар-баша (главный казначей). А за кафтаном и за саблею везен салтанской к хану лист в красном атласе. За листом ехал турчанин, сам Эмир-горь—в кафтане собольем под вишневым атласом, в сарыке (чалма) и при сабле... А за ним турки и татары, которые выезжали навстречу тому турчанину, с ближним хана человеком. За ними везли турскую казну на трех арбах. От встречного места

¹⁾ Сочинение неизвестного автора, представленное в 1640 г. Султану Ибрагиму.

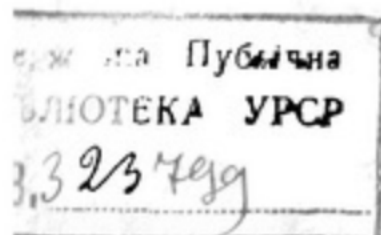
по обе стороны дороги шли и из пищалей стреляли сеимени (гвардейцы). И как он Эмирь-горь на ханской двор въехал и, сошед с коня, пошел в ханскую одару, уготованную ему, тогда сеимени, поздравляя турецкого султана и хана, выпалили изо всех пищалей и разошлись во-свояси...“ Скоро сказывался и результат подобного рода посольств: хан отправлялся на войну, и картина Бахчисарая менялась: „Везли кибитку ногайскую, белыми войлоки крытую, кровать деревянную о четырех ножках, шел постельный воз, кога (большой чан) под красным сукном о четырех возниках, с шатрами и запасами семь арб, каждая о двух конех, а палубы крыты белыми войлоками; ехали сеимени шестнадцать билюков (отряд), устроаясь по три человека в ряду, ехал ахтачибей (конюший главный), а за ним вели ахтачеи ханских восемь коней, турецких и ногайских, под седлы, и у седел были у трех сабли, а у четырех кончеры, а на одном последнем палаш оправной в каменьях; ехали двадцать человек билюк-башей по два человека в ряд, за ними везли два бунчука да два байрака (знамена) ханские, все в один ряд: байраки,— один красной и другой зеленой; бунчуки с яблоки золоченными. Потом ехал хан на иноходце при сабле, а около ево пеших шатырей четыре человека, а за ним салтаны, дети ево ханские и чиновные двора ево люди, тако ж которые хана провожали человек со сто и больше“ ¹⁾).

Но иногда ханам не удавалось побудить к войне своих крымских феодалов, не желавших, выражаясь их языком, „облизывать османские блюда“, иногда они сами, сознавая бесполезность этих войн ради чужих интересов, уклонялись от исполнения турецких

¹⁾ Статейный список Василия Айтемирова. Был в Крыму с 1692 г. по 1695 г.

требований и тогда „шум страшного ветра отставки и отрешения разметал листы их благополучной жизни, и они немедленно для удаления из пределов Крыма надевали узду поспешения на ветробежного коня отправления“, т. е., говоря попросту, садились на корабль и отправлялись или в свое прежнее поместье или в ссылку на остров Родос.

Бесцеремонную политику Порты в отношении ханов поддерживали и питали условия местной крымской жизни. Наиболее значительной политической силой страны были потомки старой родовой знати—беи и мурзы, превратившиеся в условиях оседлого быта в крупных землевладельцев-феодалов. В то время, как ханы, являясь временными гостями в Крыму, были в большинстве случаев чужды народным массам, беи и мурзы, тесно связанные с местным краем, находили себе реальную поддержку в лице зависимого от них населения. Они ревниво относились к возможности усиления ханской власти и, сознавая себя достаточно сильными, не затруднялись иногда требовать у Османского правительства смены хана, а то и просто свержали его. „Хан,—писали однажды мурзы,—от чрезмерной еды только сам разжирел. Мы же стремительным ветром восстания развеяли пшеницу его улады и комфорта“. Свидетелем одного из таких переворотов был русский посланник при ханском дворе Василий Айтемиров. Вот как описывает он эти тревожные для Крыма дни: „Учинилась у хана с великими карачбеями (князьями Ширинскими) ссора и... они с ним, ханом, на войну в Венгерскую землю идти не похотели и войска ему крымского не дали, также мурз и татар удержали и от хана... отъехали и татар всех по домам распустили. И Сафат-Герей-хан с того места, где войска его оставили, поехал в Килию. А Ширинские приехали

в Крым и тогда разослали во все улусы от себя, а в Бахчисарае и по городам, на базарах велели кликать делалом (глашатай), чтоб мурзы и татарове съезжались к ним на назначенное место под Карасубазар для изгнания Калги султана (наместника хана) и ханских жен в турецкую землю. А когда к ним крымских войск съехалось тысяч с пятнадцать, послали в Акмечет (Симферополь) к Калге султану, приказуя, чтобы он, Калга, из Крыма от них выехал туда же, откуда приехал... и клятву учинили на том, что еслиб Сафат-Герей-хан похотел на них придти с войском, чтоб его в Крым не пускать и биться до остатней капли крови... А Калга собрал из Бахчисарая и из иных мест духовного своего чину шейхов и муфти и кадыаскеров и каймаканов и иных знатных и посылал к ним, Ширинским, чтоб они с ним помирились. И Ширинские того его прошения у них не послушались и тех миротворцев всех не отпустили от себя никого. И Калга по многих спорах и пересылках выехал из жилища своего со всем своим двором... Октября же в 28 день прибежал из Царьграда гонец в Бахчисарай с подлинною ведомостью и листами, что ханом в Крыму учинен Гаджи-Селим-Герей, и чтобы ему, хану, изготовлено все было в Бахчисарае к приезду его во всей готовности—о чем на базаре деялы кликали, чтоб о том было всем ведомо“.

Этот рассказ человека, прожившего в Крыму три года и внимательно наблюдавшего местную жизнь, достаточно ярко характеризует все бессилье ханов в отношении крупных владетельных родов, а также дает намек, в ком именно хотели ханы найти против них поддержку. Об этом, однако, лучше расскажет большое здание мечети по левую от ворот сторону. Сравним с нею ханский дворец. Легкие хрупкие

контуры его подчеркивают массивность здания мечети. Ее квадратная невысокая, четырехскатная крыша, с выходящими далеко за стены краями придает ей мощный, несколько приземистый вид, и это впечатление заметно усиливают крыши двух открытых, со стрельчатыми арками, галлерей, расположенных вдоль боков ее. Два минарета у северных концов этих галлерей уходят в небо стройными белыми колоннами,— они недавнего, сравнительно, происхождения, но покоятся на старых, покрытых мохом основаниях.

Пройдем внутрь мечети. Над дверями главного входа с левой стороны надпись: „Хаджи-Селимхан,— да помилует Бог сего праведного мужа!— был лучшим из ханов. Сколько ни расцветало роз в родном его цветнике, все они в свою очередь украшали властительный дом. Когда новая роза этого цветника, т. е. Селямет-Герай сделался крымским ханом, тогда, по милости Божией, пришла на мысль следующая хронограмма: Селямет-Герай построил эту великолепную мечеть 1153 г.“. Спустя двадцать два года, мечеть эта подверглась ремонту, о чем свидетельствует другая надпись: „Да будет благословенна починка Высокого Крым-Герай-хана“. Итак, эта мечеть построена, по нашему счислению, в 1740 г. и, несомненно, в ее больших размерах и отделке должен был, отчасти, сказаться тот религиозный и патриотический подъем, который охватил край после разгрома Бахчисарая в 1736 г., когда „проклятые московы, подобно злым духам, вошли в чистое, девственное тело Крыма“.

Несмотря на то, что здание построено в два света, внутри его стоит полумрак, эффект которого достигается цветным застеклением окон, темной окраской резного потолка и хор. В этом слабом освещении скрадываются все линии: колонны, поддерживающие

потолок, кажутся легче и стройнее, а вся внутренность мечети—просторнее. В правом углу находится высокая кафедра, изящно выточенная из орехового дерева с ажурной резьбой и инкрустациями. Над нею выше видна застекленная галерея ханской ложи. Вход в нее ведет из дворцового двора по легкой деревянной лестнице. В первом отделении ложи стены покрыты фаянсовой облицовкой, украшенной арабо-персидским орнаментом—лиловато-синими изящными разводами по белому полю. Необходимо здесь обратить внимание и на внешние окна ложи—они очень невысоки и позволяют увидеть весь сложный характер застекления двумя рамами, одной с цветными, а другой, внешней, с простыми стеклами. Подойдем ко внутреннему окну галереи: большой покрытый коврами квадрат пола тонет глубоко внизу в полумраке мечети, и впечатление простора и величины здания еще более усиливается. Представим теперь на минуту эту мечеть, наполненную молящимися. Правильными, как шеренги солдат, рядами они выстраиваются против михраба—священной ниши, обращенной к Мекке, заполняя собою все помещение. Оттуда—от михраба—раздается одинокий голос, в переливах которого чувствуется определенный ритм, целый ряд заученных приемов. И, повинаясь голосу и движениям тела имама, вся масса людей совершает ряд однообразных привычных движений: воздевает руки кверху, падает на колени, касаясь лбом пола, кланяется в пояс и т. п. Это подчинение, приведение к единству внешних выражений молитвенного настроения отразило в зрительном образе то огромное влияние, какое религия и духовенство играли в далеком прошлом. В те времена это была сила, с которой надо было считаться и которую выгодно было привлечь на свою сторону, и ханы служили этой силе:

„помня,— пишет татарский историк, плохо разбиравшийся в истинных причинах ханской политики,— что пророк сказал: „улемы то же, что были пророки во Израиле“, из любви к учению они строили великолепные медресэ и прекрасные училища; зная стих Корана „строит храмы Божие—кто верит в Бога единого и день последнего суда“, они создавали новые мечети и возобновляли клонившиеся к разрушению. Несомненную книгу эту (т. е. коран) они читали ежедневно и в силу того, что „записываем мы дела их и подвиги их для будущей жизни“, строили фонтаны и на поддержание всех этих богоугодных сооружений определяли вакуфы“, т. е. разного рода недвижимые имущества. Могущественное духовенство всегда бывало обласкано ханами. Наиболее известные и чтимые в народе шейхи призывались во дворец; здесь им „подавались лакомства, которые они съедали и сахарные шербеты, которые они пили. Потом они произносили молитвы“, гадали, предсказывали будущее, в результате чего появлялся ханский ярлык, в котором значилось, что к данному „знаменитейшему из шейхов, нарочитому нашему молитвеннику—да увеличится его подвижничество—последовало приумножение нашего благоволения и усиление покровительства“, и предлагалось, чтобы, „включив его в роспись существующих получателей ежегодины, наш образцовый среди подобных и равных бухгалтер — да умножатся достоинства его — из года в год выдавал“ такую-то сумму.

Несмотря на все это, союз центральной власти с духовенством не мог никогда вполне осуществиться: ханы не могли найти в нем поддержки против оттоманского правительства, т. к. одно из основных положений мусульманства ставило во главе его личность наместника Мухаммеда на земле, в данном случае

Константинопольского султана. С другой стороны, служители неба очень хорошо понимали цену земным вещам и не хотели рисковать своим положением, вступив в открытую борьбу за ханскую власть. Чувствуется горечь в оценке этого сословия, данной державным поэтом Газы-Герай-ханом: „считая себя мудрецами, они устанавливают порядки и сами же их нарушают. Своею двуличностью они могут поселить раздор между неразлучными друзьями. Шейх-Эфенди хандрит в тот день, когда его не пригласят на даровой обед, и, сидя в своей келье, видит какой-то черный призрак, как худое предзнаменование такой же неудачи и на другой день. Суфи¹⁾, вооружившись званием святош, подобно воинам, ездят из дома в дом, имея вместо фуджия²⁾—чалму. В начале каждого года они устанавливают зекят, чтобы пополнить те свои убытки, каких никогда не имели“.

Впечатление мощности здания мечети заметно ослабевает, если смотреть на нее со стороны двора. Приподнятая над землей боковая галлерея, разбивая своей покатой крышей стену на две части, мешает здесь увидеть ее высоту; яркая размалевка стен, украшения наличников нижних окон и резная деревянная лесенка, ведущая в ханскую ложу, придают ей нарядный, радостный вид, вполне гармонирующий с общим обликом дворца. Пересечем двор и остановимся на минуту около фонтана, обратившись лицом к левому крылу дворца. Шум звонко падающих в бассейн струй воды, связанный в нашем сознании, еще со времен чтения детских сказок, с представлениями о восточной неге и роскоши, переплетается в одно целое со зрительным восприятием наполовину спрятавшегося в зелени деревьев па-

¹⁾ Монахи.

²⁾ Кубышка для сбора подаяний.

вильона Крым-Герая. Он представляется сквозным от обилия окон, радостным и веселым от ярких красок стенных орнаментов, игрушечно-красивым под широкой шапкой выступающей вперед крыши. Это сложное ощущение напоминает нам о том, сколько красивого и своеобразного погребено в прошлом дворца.

Пройдем теперь в зал Дивана, расположенный налево от главного входа во дворец. Помещение этого высшего государственного учреждения включено в сеть дворцовых покоев — характерная черта старины, когда личность властителя и понятие государства мыслились слитно и нераздельно. Над дверью знакомое имя: „Двери Дивана (сооружены) Селямет-Герай-ханом, сыном Гаджи-Селим-Герай-хана 1156 (1742) г.“. Самые стены этой, одной из немногих, каменной кладки, палат дворца, по всей вероятности, древней помеченной даты и пережили пожар дворца в 1736 г. Пропорция размеров залы в настоящее время несколько нарушена: пол находится выше своего прежнего положения, вследствие чего нижние окна совсем ушли к земле и кажутся скорей дверями. Потемневшие от времени известковые плиты заменили старые мраморы, уничтожен и фонтан — необходимая принадлежность нижних комнат дворца; только окна верхнего ряда, старинные, алебастровые, с разноцветными стеклами, да роспись высокого лепной формы потолка, напоминающая своими узорами, багрянцем и золотом окраски роскошный восточный ковер, сохраняют отчасти колорит прошлого.

Когда-то в этом зале, на мягких подушках, расположенных вдоль стен, сживали представители родовой аристократии ханства и высшие духовные и светские чины, сохраняя непоколебимую уверенность, что „не ханами важнейшие дела делаются, но ими, ближними людьми, великими беями и мур-

зами“, как высказался перед русским послом разменный бей Яшлавский. Среди всей этой знати восседал и хан — не на троне, а также на мягких подушках: „на гюрнуше, как у татар называется ханский диван,— значит в уставах династии оттоманской,— для хана стелют особую полость и две обыкновенные подушки, а по сторонам — большие из штофной материи“. Позднее появились кресла — больших размеров для хана и меньших для членов совета, задрапированные тонким оранжевым сукном с вышитыми на внутренней спинке золотыми полумесяцами,—они сохранялись до 1860 года. В этом собрании обсуждались дипломатические предложения соседних государств, намечались планы военных набегов, государственных и административных мероприятий. В то же время Диван был высшим судебным органом государства, являясь одновременно и сословным судом по делам крымской знати. Ведению его подлежали преступления государственного характера и дела по смертоубийству.

По лестнице, ведущей во второй этаж, можно пройти в другой зал—он носит название „посольского“. Вероятно, он принадлежал к числу немногих показных палат дворца, служил местом торжественных церемоний, на которых хан выступал в качестве представителя всего государства. Этот зал представляет собою картину почти полного запустения. Два несимметрично расположенных в угловой его части цветных старинных окна на ряду с другими, современными—в грубых деревянных рамах, дают яркое понятие о том, сколько уничтожено и переделано в этой части дворца. Только одно это помещение во втором этаже по своим размерам и назначению может соответствовать той палате старого сгоревшего дворца, подробное описание которой

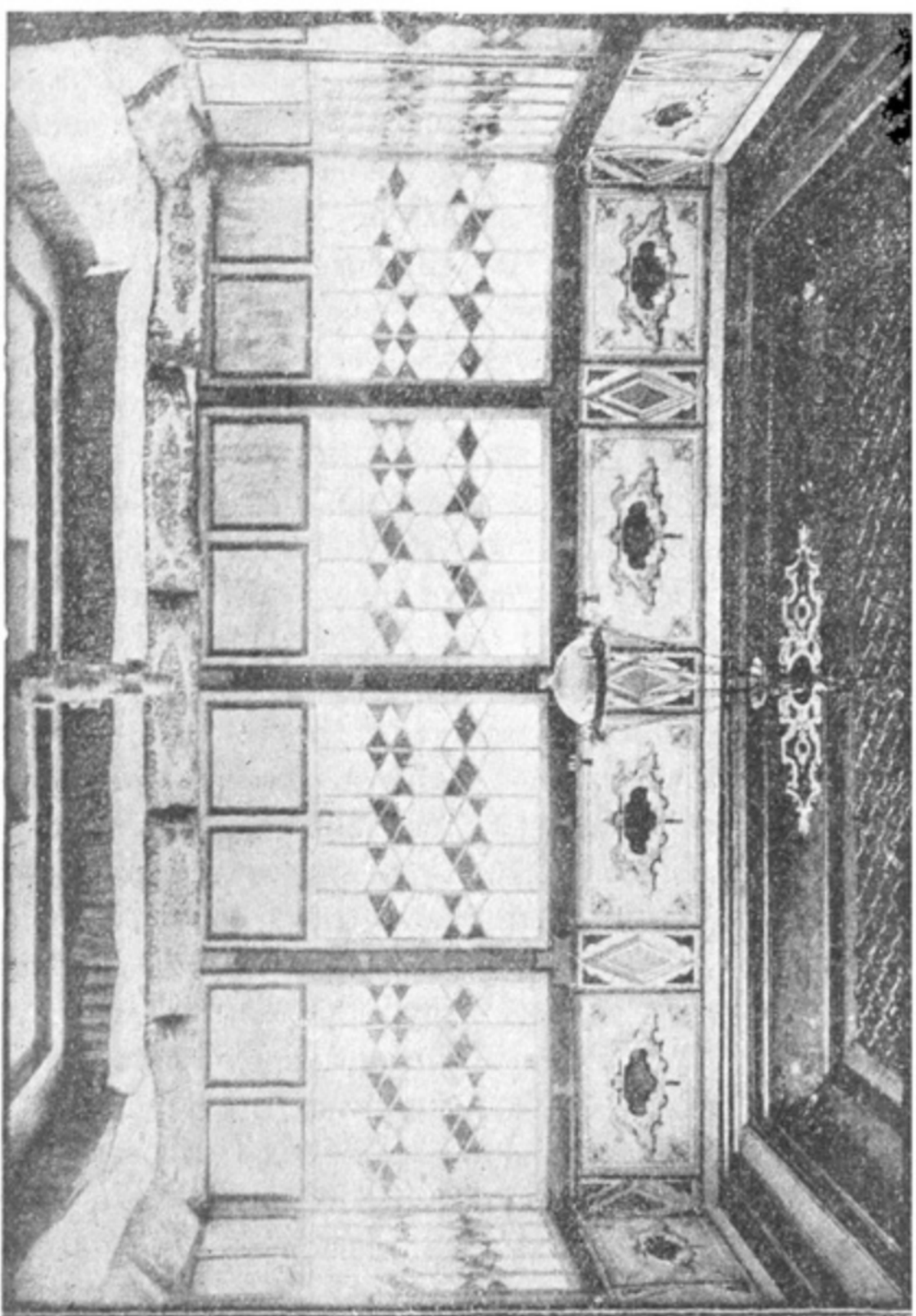
сохранил для нас современник: „Широкая лестница ведет в верхний этаж, прямо в большую залу с мраморным полом, прикрытым чистыми цыновками; потолок этой залы расписан голубым цветом с золотом со столярными мозаичными украшениями... Стены ее вместо ковров выложены разноцветным фарфором. Самая зала освещалась окнами в два ряда, в верхнем—стекла были разноцветные зеркальные, в виде больших четырехугольников. Нижние окна снабжены двойными ставнями, из которых внутренние были легкими решетчатыми, пропускавшими прохладу в залу“... Оставим в стороне декоративные части зала—мраморы, резные орнаменты, фаянсовую облицовку стен. Все это могло быть растащено, уничтожено, попорчено: несомненным останется одно, что настоящий зал не повторил своими размерами старого—об этом говорит только один ряд окон его. Это и не могло быть иначе: в постройках дворца XVIII века должно было сказаться материальное оскудение крымского ханства на закате его дней, когда прекращение откупной дани Москвы и Польши, уменьшение военной добычи и незначительность турецких субсидий, обусловленная ее более мирной политикой, должны были нанести серьезную брешь в бюджете государства, экономически неразвитого и отсталого. Эти стены не видели уже тех дней, когда перед слабым среди своих, но грозным для чужих—ханом, водившим буйных и воинственных феодалов в их опустошительные набеги, заискивали послы русские и польские, когда ему несли свою дань и покорность кавказские горцы, калмыки и жители Молдавии. Восстановить картину прошлого помогут нам русские послы, совершившие длинный и опасный путь через степи в Бахчисарай с целью договориться, наконец, с ханом о том, чтобы „прежние лета, кровью и

пленом прошедшие, были во всем оставлены и не памятны и не мстительны“. После целого ряда дней ожидания, переговоров с ханскими приближенными о цели прибытия, привезенных подарках и т. п. день аудиенции, наконец, назначен и посольство отправилось во дворец: „Не доезжая до ворот ханского дворца шагов за тридцать,—пишут послы,—всех нас остановили и велели слезть с коней и идти пешком. И мы о том с приставом и копычелями спорили много и хотели ехать до самых ворот, а они нас задержали и лошадей под нами остановили и дале ехать не пустили. И мы, сойдя с коней, шли до ханского двора и двором пеши... А как к хану на двор и в хоромы шли, в ту пору встречали нас многие князи и мурзы, знатные и честные люди. В хоромы к хану вошли в шапках тем же порядком посольским и, вшедши, стали посреди палаты и, увидав ханово величество, шапки сняли и поклонились ему до земли—собою безо всякие неволи. Хан... особою своей строен и дороден, лица красного, взором светел и веселобразен, среднего веку, волосом черен с сединою, бороду красит. Платье на нем портище суконное, муром зеленое на соболях строем турецким, под исподом кафтан тафтяной алой цвет... подпоясан желтым шелковым поясом с золотою пряжкой, в красных шароварах, в ханской короне: верх зеленой, обвитой белою с золотом и жемчугом шалью с пером наперед из перьев колпицы и дорогими камнями с жемчужными подвесками. Сидел хан под малиновым, бархатным, обложенным золотом, с золотыми кистями и шнуром балдахином, на троне, покрытом разноцветным восточным дорогим ковром... А по правую сторону от хана сидели Калга и Нуродын Салтаны, а по левую сторону на полу стоял ближней человек. Иные ближние люди и мурзы стояли

по обе стороны подле стен в ряд в один человек и никто не сидел, кроме духовного их чину... Платье на них было турецким и татарским строем в чалмах и шапках. Посольство мы правили чином подлежащим. Первую речь говорил я, Василей: „Божией милостью, великий государь, царь и великий князь, Федор Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержец и многих государств и земель восточных и западных и северных отчич и дедич и наследник и обладатель, великие орды, вам Мурат-Гирееву Ханову величеству велел поклониться и здорье ваше видеть“, а изговоря ту речь поклонилися. Хан, выслушав ту речь, сидя в шапке, молвил: „Великого государя как Бог милует“. Вторую речь говорил я, Никита: „Великий государь (титул) в добром здорье“. Третью речь говорил я, Василей: „Великий государь прислал вам Мурат-Гирееву Ханову величеству любительную свою грамоту“, и подал великого государя грамоту хану в тафте. А хан, приняв ту грамоту, отдал ближнему человеку. Четвертую речь говорил я, Никита: „Великий государь прислал вам, Мурат-Гирееву Ханову величеству, свои любительные поминки“. А изговоря речь, являл поминки по росписи, без цены и без ярлыков: сорок соболей, вместо лисицы черной пару соболей, да две пары соболей. Подносил те поминки ханову величеству я, Василей Тяпкин. А при хане близко будучи, принимал те поминки у меня из рук ближней его человек большой казнодар. Пятую речь и посольское дело объявлял я, Василей... А как мы то свое посольское дело правили и в то время в палате тихость была велия¹⁾.

Посольский зал и помещение Дивана своим нынешним видом ясно говорят о тех переменах, какие

¹⁾ В данном описании для полноты картины соединены вместе показания нескольких близких по времени послов.

Комната во дворе

произвел во дворце целый ряд неудачных переделок. Но не только от неумелой руки реставраторов бледнели подлинные тени прошлого. Время прибавило к этому наслоения новых воспоминаний и чуждых легенд. Несколько комнат дворца связаны с именем императрицы Екатерины II, другие с поэтическим образом Марии Потоцкой.

Только один уголок сохранил старое имя и, несмотря на позднейшую отделку, способность передать типичные черты дворцовых построек прошлого.— Это золотой кабинет Крым-Герая.

Постараемся преодолеть чувство разочарования, готовое возникнуть при виде яркой и далеко не стильной росписи оконных простенков, деревянного крашеного пола и скромной драпировки стенных диванов: эта небольшая комнатка, несмотря на бедность обстановки, на свежесть красок потолка и стен, не потеряла главной своей прелести—способности пробудить в душе ощущение глубокого уюта, замкнутости и отрешенности от внешнего мира. Творческий замысел строителя здесь ярко и полно воплотил эту характерную черту жилищ восточных, некогда кочевых народов; в ней отразилась, быть может, тоскующая душа степняка, чувствовавшего себя затерянным среди бесконечной, безбрежной равнины. Эту особенность золотого кабинета можно почувствовать вполне, только пройдя вглубь комнаты и повернувшись лицом ко входу: секрет ее—в контрасте темной задней стены, состоящей сплошь из размалеванных деревянных шкафиков,—с тремя наружными стенами, почти прозрачными от обилия окон, через цветные стекла которых и густые железные решетки льется приятный матовый свет. Пол центральной части комнаты приподнят над уровнем входа, как бы навстречу этому свету, а маленькая входная,

дверь под арочным сводом почти не приметна на фоне стены, затененная перегораживающей комнату решеткой. Взглянем на минутку через окно на небольшой квадратик сада, огибающего павильон. У стены его за зелеными старыми буксусами белеет мраморный фонтан с большим водоемом, над которым раскинула свою широкую шапку увитая зеленью решетчатая галлерея. Когда-то сквозь листву зелени просвечивали золотом ее частые переплеты, в водоеме плавали рыбы, вокруг был разбит цветник. „Здесь на восьми клумбах,— пишет один из ранних путешественников,— росли розы, туберозы, ронункулы и лилии“. Этот маленький цветник, как бы прильнувший к высокой стене гарема, замкнутой линией своей ограды еще более подчеркивает уют золотого кабинета, придает ему характер очаровательной интимности. И неудивительно, что восторженный поэт начертил именно здесь свою оду, посвященную обновленному дворцу:

„Смотри! Этот увеселительный дворец, созданный великим умом хана, оправдывает мою хвалебную песнь.

Это здание его радушием, подобно солнечному сиянию, озарило Бахчисарай.

Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему прелесть, что он нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз. Смотри! вот предмет, достойный золотого пера...

Вокруг дворца свежие лилии, розы, гиацинты. Сад, разумно расположенный, говорит как бы языком: новая мысль эта расцвела в цветнике души (Крым-Герая). Любовник розы, соловей, пал бы к праху ног сада, если бы его увидел.

Итак, если привлекательное место это мы назовем, как и должно, родником радости, то каждое на него воззрение будет волнующимся морем наслаждения.

Раб придворного праха, будучи как бы тенью знатности в правление Крым-Гсрая,—да будет двор правосудия его открыт и счастлив,—любя его душевно и сознавая в себе дар попугая, так воспел увеселительный его дворец“.

Окрестности Бахчисарая

Салачик

По направлению к востоку густо заселенная коммерческая часть Бахчисарая продолжается недолго, и дорога, уступая место целой веренице садов, остаткам тех, что дали когда-то название самому городу, подходит вплотную к совершенно отвесной стене ущелья, следуя затем каждому ее изгибу. Направо, за садами виднеется другой, более пологий скат долины, изредка прерываемый поперечными расселинами. Одна из них, первая за домом Гаспринского, носит название Канлы-Дере—кровавого ущелья. Народное сознание запомнило это ущелье, как место казни преступников. Это подтверждается отчасти едва заметными развалинами когда-то существовавшей здесь стены, прикрывавшей со стороны равнины наиболее глубокую, юго-восточную часть Бахчисарайской долины: обыкновенно казни совершались за чертою города. Произведенные лет тридцать тому назад раскопки обнаружили поблизости этих развалин мусульманское кладбище с несколькими хорошо сохранившимися склепами. За стенами находилось когда-то большое поселение, служившее более или менее постоянною резиденцией первым Гсраям. Сравнительно позднее его описание (от 1578 года) дает

польский посол Мартын Броневский. Он пишет: „В конце Бахчисарая есть другой город, называемый Салачик, с хорошими домами. Ханский дворец древними татарскими государями великолепно украшен зданиями, мечетями, гробницами и банями. Ханы нередко удаляются в этот дворец с женами, потому что эти места очень благоприятны для охоты. Там есть сады яблонь и других плодов, виноградники и прекрасные поля, орошаемые чистыми ручьями“... Нынешний Салачик ничем не напоминает это описание бывшего ханского поместья: нет здесь теперь ни виноградников, ни прекрасных полей, и только буйная зелень соседнего монастырского сада бледно говорит о прошлом. Незнакомому человеку трудно даже разыскать единственно уцелевшие памятники старины среди жалких домишек цыганской слободки, возникшей в этом месте, очевидно, позднее. Чтобы найти их, надо свернуть направо, в первый переулок нижней улицы слободки, идущей параллельно монастырской стене. Полускрытые большим двухэтажным зданием новой школы, стоят здесь—небольшое тенистое кладбище и старинная мечеть с примыкающим к ней таким же старинным медресе.

В глубине кладбища среди скромных могил, то в виде двурогих каменных ящиков, то—столбов с увитыми чалмами концами, возвышается восьмигранное дюрбэ с остроконечной крышей. Под стройной, изящной стрельчатой аркой портала над невысокой дверью надпись: „Эту священную, покойную и красивую гробницу приказал соорудить великий хан, знаменитый хакан, повелитель мира, Менглы-Герай-хан, сын Хаджи-Герай-хана 907 (1501) года“. Орнаменты этого памятника Менглы-Гераевской эпохи носят на себе печать турецкого влияния и свидетельствуют о волне культурного воздействия с юга, из Малой Азии.

При входе в медресе над аркой двери висят две массивные железные цепи, чтобы каждый, входя, благоговейно преклонял голову. Это глубокое уважение к знанию не должно нам казаться необычайным для такого отдаленного времени; оно находит себе объяснение в самом характере преподаваемой здесь науки. Как и все стороны той жизни, она была проникнута религиозным содержанием. Под этими массивными арками открытого четырехугольного двора или в маленьких кельях по бокам его в дурную погоду прилежные софты (ученики медресе) занимались изучением и толкованием корана. Вокруг этой основы группировались другие науки: арабский язык, необходимый для чтения корана, законоведение, как извлечение и дальнейшее развитие моральных предписаний его, риторика, логика и философия, проникнутые тем же религиозным духом, арифметика и астрономия, необходимые для понимания мусульманского календаря и определения времени молитв и других религиозных обрядов. Это был своеобразный комплекс знаний, стройный, логически вытекающий из всего уклада жизни того времени, но уже начинавший окамене- вать, вырождаться в мертвые, схоластические формы.

Построение этого высшего богословского училища связано также с именем Менглы-Герая, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись: „Это училище при помощи Всеблагого Бога приказал построить Менглы-Герай-хан, сын Хаджи-Герай-хана. Да продлит Бог царство его до скончания века 906 (1500) года“.

Бурное, полное тревог и превратностей время начала XVI века оставило после себя в Бахчисарае только эти два памятника, затерявшиеся в самой глубине тесного ущелья. Чтобы понять причины, заставившие недавних кочевников избрать этот глухой

уголок местом своего поселения, следует обогнуть скалу, нависшую над Салачиком, и пройти в древний город Чуфут-Кале, в первые столетия татарской эпохи носивший название Кыркора.

Чуфут-Кале

К востоку от Салачика скалы ущелья тянутся сплошною серою стеною. Лишь в двух местах на их гладкой поверхности проступают, точно заплаты, сложенные из того же известняка стены: они преграждают доступ к вершине горы через образованные выветриванием провалы, легко доступные со стороны долины. Цель их постройки делается ясной только у внешней ограды бывшего монастырского сада, откуда отчетливо видны развалины старого города, странно приютившегося на совершенно голой, доступной и солнцу и ветрам поверхности скалы. Это и есть Чуфут-Кале.

У подножья его, примыкая непосредственно к монастырскому саду, находится древняя татарская святыня—могила подвижника ислама Газы-Мансура, над которой построено небольшое текиэ. Рядом с ним погребены еще два благочестивых человека; несколько могил расположены и под деревьями чистенького уютного дворика—все это, вероятно, остатки большого мусульманского кладбища, явственные следы которого еще недавно были видны на всей осыпи горы, на месте нынешних огородов Чуфут-Кале. Замечательно, что основание этого маленького монастырька народное предание приписывает Менглы-Гераю, как бы в подтверждение связи этого хана с Чуфут-Кале.

Обыкновенно в Чуфут-Кале идут пешеходной тропинкой, которая почти под углом пересекает ущелье сейчас же за этим маленьким кладбищем. После

двух—трех поворотов она приводит к незаметным снизу воротам, удачно скрытым за выступом высокой, но недлинной стены, которая прикрывает доступ к вершине в этом более других пологом месте. Эта характерная особенность в устройстве ворот отмечена в народном названии их—Кичик-Капу, т. е. малые, скрытые ворота.

Чуфут-Кале.

Все боковые стены скалы вокруг ворот испещрены искусно выработанными пещерами. Возможно, что они были военно-служебного назначения—прикрытием и местом отдыха для защитников стены и складами для боевых припасов.

За воротами открывается ровная площадь, в летнюю пору вся насыщенная солнцем и покрытая лишь мелкими, потемневшими от времени и непогоды камнями развалин, обозначающими собою направление бывших домов и переулков. Однообразие этой жалкой картины скрашивают несколько еще сохранившихся домиков по правую сторону главной улицы,

которая протянулась серовато-белой, искрящейся на солнце лентой вдоль южной стороны обрыва.

Главная улица города приводит к хорошо сохранившейся арке ворот второй стены, пересекающей плато с юга на север (Орта-Капу). Сохранившиеся ее части своею массивностью и хорошей кладкой указывают на ту же цель военной защиты, для которой она была построена, но следы, оставленные на гладкой поверхности примыкавшими когда-то к ней домами, говорят, что она давно уже перестала служить этому своему назначению.

Трудная дорога в Чуфуг-Кале, общий характер этого оригинального людского поселения на голой поверхности скалы, открывающиеся по обе стороны ее виды—все говорит о военном значении старого Кыркора в прошлом. Перед нами типичный замок, неприступностью своего положения, остатками своих башен и стен говорящий о тех тяжелых, давно минувших временах, когда безопасность предпочиталась выгодному положению поселения, когда слабая техника и недостаточность материальных средств заставляли людей пользоваться каждым естественным укреплением, как бы мало житейских удобств оно ни доставляло.

Внутри этих стен сохранился один памятник, отмечающий значение Кыркора в раннее время татарской истории,—это небольшое дюрбэ у северного обрыва скалы. В своем нынешнем виде оно не производит впечатления особенной старины, до такой степени несколько неудачных реставраций изменили его первоначальный вид. Во время этих работ многие орнаменты были счищены или заделаны, испорчены некоторые надписи, а над боковыми открытыми стенами входа надстроили грубоватую крышу, мало идущую к общему типу постройки. Внутри дюрбэ

находится прекрасно сделанный из местного известняка памятник, резко отличающийся по своему характеру от обычных мусульманских. Его украшает художественно высеченная надпись: „Это гробница знаменитой государыни Ненеке-Джан-ханым, дочери Тохтамыш-Хана, скончавшейся месяца Рамазана 891 (1437) года“. Вокруг входа следующие надписи из преданий (Хавадис): „Мухаммед (да будет над ним мир!) сказал: этот мир жилище суеты, будущая жизнь вечна. Да будет прославлен тот, кто вечно велик и милостив к своим рабам, смертным и тленным“; „Мухаммед (да будет над ним мир!) сказал: эта жизнь—нива для будущей жизни; еще он сказал: настоящая жизнь есть час—употребляйте его на служение Богу; еще он сказал: спешите молиться и покаяться прежде смерти“; „Мухаммед (да будет над ним мир!) сказал: верующие не умирают, но переходят от мира тленного в вечность—месяца Джемазиуль-ахир 720 г.“

Одинокое положение памятника Ненеке-Джан-ханым создало несколько легенд о ней. В основе одной из них чувствуется отголосок военного прошлого Кыркора: Ненеке-Джан похоронена здесь своим отцом в память заслуг, оказанных ею при защите крепости от врагов. Другие легенды говорят или о тяжёлой болезни этой любимой дочери хана, потребовавшей для своего лечения здорового воздуха Чуфут-Кале, или же о недозволенной любви ее не то к татарскому вельможе, не то к генуэзскому принцу. Преследуемая своим отцом, она бросилась в пропасть, лежащую за мавзолеем, почему и похоронена вдали от родных могил. Но история разрушает и эту, как и многие другие легенды: ее отец, Тохтамыш-хан, соперник и победитель памятного русской истории по Куликовской битве Мамай, был

впоследствии разбит знаменитым Тимуром, бежал в Киргизские степи, где и погиб в 1405—6 г. Таким образом, дочь его пережила отца на тридцать два года, что одинаково исключает возможность фактов, рассказываемых в этих легендах. Зато некоторое объяснение погребению Ненеке-Джан в Чуфут-Кале дает одинокое, правда, свидетельство о том, что один из сыновей Тохтамыша, а поэтому, может быть, и еще кто-нибудь из его семьи, бежал в Крым после поражения своего отца.

Характерным в данном случае для истории древнего Кыркора является то, что его единственно сохранившийся датированный татарский памятник называет имя хана, сыгравшего большую роль в истории Золотой Орды и Крыма именно тогда, когда по выражению народной исторической пословицы уже „была отрезана шея у верблюда“. Это было время, когда целый ряд жестоких междоусобий и кровопролитных захватов власти знаменовал собою раздробление огромной татарской монархии, выковавшейся в стихийном движении племен на запад из далекой Азии. Этот распад Золотой Орды был неизбежен в силу преобладания старых родовых форм жизни и первобытного пастушеского хозяйства, не допускавших длительного и устойчивого объединения.

В смутное время междоусобиц наличие хорошо укрепленного пункта предугадало, до известной степени, и местоположение будущей столицы стремившегося к обособлению Крыма: перенесение административного центра из Старого Крыма в долину Чурук-су стоит в непосредственной связи с существованием крепости Кыркора. Уже один из предшественников Хаджи-Герая в борьбе с Золотой Ордой Мухаммед-Хан-Худа-Берды, по словам татарских

историков, основывает Салачик у подножья Бурунчака поблизости Кыркора. Здесь же складывает свои кости Хаджи-Герай; но особенно исключительную роль играет Кыркор в бурное царствование Менглы-Герая. Название этой крепости сплошь и рядом встречается в донесениях русских посланников его времени. Из их указаний, очевидно, что Менглы-Герай подолгу жил здесь, принимал послов, уходил отсюда на войну. На ряду с этим Кыркор, как укрепленный пункт, служил и местом заточения неугодных послов. Выбор места для новой столицы, действительно, оправдал себя, когда в 1486 году Менглы-Гераю пришлось спастись в Кыркор во время опустошительного набега сыновей Золотоордынского хана Ахмета на Крым и отсиживаться до их удаления.

Впоследствии, по миновании этого бурного периода, с утверждением ханской власти и укреплением международного положения Крымского ханства, значение Кыркора постепенно падает и он даже получает другое название—Чуфут-Кале, по имени проживающих в нем караимов. Но все-таки он по-прежнему остается надежным местом, своего рода цитаделью Бахчисарая, необходимой на случай столкновения ханов с непокорными им феодалами. Один из таких характерных случаев передан в отписках русских послов, Тарбеева и Басова (были в Крыму с 1626—28 гг.): „И Апреля, Государь, в 30-ый день,—пишут послы,—на свету хан прислал к нам и велел бежать на спех в верхний городок (Чуфут-Кале), что Кан-Темир прошел со всеми людьми на Алму—от Яшлова две версты. И мы, холопы твои, пометав многую рухлядишку свою и запасишко... побежали в городок, а Кан-Темир пришел за нами тот час и хана и Калгу со всеми

людьми осадил, а сам стал в селе Эски-Юрте... и Кан-Темировы люди, всегда приходя, хотели клячи у нас поимать, и мы, холопы твои, с ними бились беспрестанно; а стоял Кан-Темир под Бахчисараем три недели... а как побежал от Бахчисарая и покуда Джан-Бек-Герай-хан в Бахчисарай пришел, у татар меж себя сеча и грабеж были беспрестанно; а мы в то время в городке в осаде сидели и помирали голодною смертью, хлеба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли, траву и коренья копая ели“...

В истории взаимных отношений Польши, Москвы и ханства Чуфут-Кале отмечено мрачными красками. Здесь сидели в заточении русский воевода Шереметьев, князь Ромодановский, польский гетман Потоцкий, подолгу томились в ожидании отпуска на родину попавшие в неудачное для переговоров время послы; и с тоскою вспоминали свою жизнь эти „страждущие в Крымском терпении“. „Живу я,—писал русский посол Василий Айтемиров, продержанный в Чуфут-Кале в течение трех лет (1692—95 г.),— в верхнем городке с будущими со мною людьми за крепкою сторожею и от убытков утеснения ради и малого и неповседневного корму уже пришли мы в конечную нужду, а отпуску отнюдь не слышим“...

Жестокие нравы той суровой эпохи оставили свой памятник, характерный для этого периода Чуфут-Кале, как государственной тюрьмы-крепости. Почти рядом с дюрбе сейчас же за стеною, у северной стороны скалы находится хорошо высеченная в скале просторная пещера. Она состоит из двух отделений. Потолок первой из них поддерживает массивный каменный столб, по сторонам которого проделаны довольно большие кольца. Во второй комнате, расположенной несколькими ступеньками ниже, в правом углу весь пол разбит на квадраты

неглубокими желобками, повидимому, следами каких-то перегородок, а ближе к окнам у стены высечены два глубоких продолговатых ящика. Предание определенно указывает на это место, как на древнюю тюрьму и застенки, и внешний вид этой пещеры невольно заставляет верить в это грустное ее назначение. Возможно, что к каменному столбу приковывались наиболее важные преступники; непонятность же приспособлений второй комнаты ищет невольно себе разгадки в рассказах проводника о том, что здесь существовала какая-то клетка с отделениями, в которых помещались заключенные, оставившая после себя эти квадраты на полу, что углубления у стены были местом, где совершались ужасные, мучительные казни, что трупы погибших здесь выбрасывались через окна в глубокую пропасть Ашлама-Дере. Если вспомнить о тех утонченных пытках и казнях, которые совершались в те отдаленные времена в более просвещенной Европе, то не покажутся невероятными и эти незамысловатые рассказы проводника под мрачными сводами сырого и холодного подземелья.

„Когда мусульманам,—пишет татарский историк (первой половины XVIII в.) Сейид-Мухаммед-Риза, сохранивший старое народное предание о Чуфут-Кале,—стало меньше надобности в этой крепости, в ней заставили водвориться корпорацию каравинов, из живущего в Бахчисарае племени иудейского“.

Памятников караимского поселения в Чуфут-Кале сохранилось значительно больше, что содействовало в свое время возникновению народной иллюзии о давнишней принадлежности этого города караимам. Как ни мертвы и безжизненны сейчас эти остатки

старины, они все же могут отчасти восстановить прежние условия жизни и характерные черты быта караимской общины.

Самым старым из них является древняя кенаса, находящаяся в западной части города, не доходя средних ворот (Орта-Капу). Каменная лестничка с истертыми выдолбленными от времени ступенями ведет в глубину вымощенного плитами двора, посреди которого расположены два очень похожих друг на друга здания кенас. Особенность некоторых архитектурных частей и плана наиболее старой из них—той, что находится слева, заставили Бертье-Делагарда признать в ней памятник конца XIV, начала XV века. Этого небольшого молитвенного дома, повидимому, не хватало для потребностей разросшейся общины и рядом с ней, позднее, была построена вторая кенаса—из остатков покинутых на Мангубе святынь, после оставления его караимами. Каменная грубоватая колоннада, связанная рядом подковообразных арок, образует впереди здания кенасы неширокий открытый корридор—это „азара“—преддверие храма, соответствующее такому же в мечетях: здесь собирались молящиеся в ожидании службы и здесь же оставляли свою обувь, как это можно видеть и в нынешних мечетях. Азара служила также местом, где наиболее уважаемые, выборные старшины творили суд над лицами, нарушившими освященные религией и стариной нравственные предписания общины.

Внутреннее устройство и убранство кенасы с первого взгляда также во многом напоминает мечеть: задрапированная материями алтарная часть (гехал) походит на мусульманский михраб; на полу—такие же ковры и также хоры занимают всю переднюю часть помещения. Но под хорами расположены не встре-

чающиеся в мечетях скамейки: снисхождение, оказываемое слабости дряхлых стариков и удрученных горем родственников умерших. Остальная масса молящихся занимала среднюю часть кенасы. Сверху, сквозь частую деревянную решетку, оставаясь, по обычаю восточного средневековья, невидимыми для мужчин, смотрели на богослужение женщины.

Расположенная между Орта-Капу и наружной стеной часть города, по сравнению с западной, носит на себе следы более позднего происхождения. Развалины домов здесь как-то резче и определеннее, кое-где еще сохранились их стены, а один из них, принадлежавший некогда исследователю караимских древностей Фирковичу, время оставило почти неприкосновенным. Мусульманских памятников здесь найдено не было. Еще недавно многие караимские семьи могли указать здесь среди развалин остатки своих фамильных домов. Очевидно, эта часть была населена преимущественно караимами и представляла собою отдельную слободу, вне стен старой крепости и татарского поселения, как это вытекает и из смысла заметки татарского историка. Непрекращающиеся военные опасности заставили огородить стеной и эту часть города. В ее возведении были заинтересованы и сами караимы. Возможно также, что татарское правительство просто переложило все расходы по постройке этой стены на караимов, как определенную государственную повинность. Современный вид ее выглядит моложе указанных дат, что свидетельствует о позднейших переделках согласно новым требованиям военной техники.

Нынешние развалины домов не могут нам дать представления о внешнем облике тогдашнего Чуфут-Кале, но, зная уже весь глубокий консерватизм

построек Бахчисарая, можно без натяжки восстано-
вить его, воспользовавшись сравнительно поздним
описанием Палласа, посетившего этот оригинальный
городок несколько лет спустя после присоединения
Крыма: „Улицы города,—пишет он,—кривые и узкие,
идут по обнаженной скале. Они очень чисты и по
сторонам вымощены для пешеходов. Все дома по
татарскому обычаю обнесены высокими из камня на
глине стенами. Всех домов плотно скученных, один
возле другого, около двухсот. В них помещается
около тысячи двухсот жителей обоего пола. Одева-
ются они почти так же, как и татары, и все говорят
по-татарски. Занимаются они торговлей, ремеслами
и имеют свои фабрики...”

Отмеченный Палласом татарский тип строений
подтверждается вполне сохранившимся домом Фир-
ковича. С глухой стеной на улицу, он открывается
со стороны двора узенькой галлерейкой, ныне за-
стекленной. Довольно низкие комнаты носят на себе
следы чисто-татарской обстановки жилищ: изящного
рисунка резной по дереву потолок украшает парад-
ную комнату. Такого же типа потолки можно и те-
перь еще встретить во многих старых домах Бахчи-
сарая и Евпатории. Ряд широких деревянных лавок
вдоль стен заменяет собой прежние диваны. Под
потолком—узенькие во всю длину полочки, на кото-
рых красовалась когда-то парадная посуда. В стенах
вделаны небольшие шкафы, характерные для татар-
ских жилищ. Остальное помещение домика предста-
вляло собой, вероятно, женскую половину, которая
у караимов, так же как и у татар, была всегда обо-
соблена. Судя по старинным рисункам, иные дома
Чуфут-Кале строились в два этажа—с открытыми
на улицу, во втором из них, окнами, перегороджен-
ными резными деревянными решетками. Если иные

кварталы Бахчисарая своими глухими стенками домов способны навести тоску и уныние, то как должен быть уныл вид тогдашнего Чуфут-Кале, в котором ни одно яркое пятно зелени деревьев не скрашивало этой слепоты строений, и как было трудно жить здесь, среди постоянных сквозных ветров зимой и под палящим солнцем летом. И, тем не менее, в течение нескольких столетий, эта безводная и голая скала была местожительством значительной группы караимов, загнанных сюда той же всеобщей волной отчуждения и неприязни, которая в силу целого ряда причин, коренившихся в социальных условиях жизни, тяготела и над евреями повсюду в Европе в эпоху темного средневековья. Те же основания побудили, очевидно, и татар отвести караимам неприступные скалы Чуфут-Кале, где бы они могли жить в большей безопасности и спокойствии, не возбуждая к себе недоброго чувства особенностями своего быта и религии. „Когда будет у иудеев свадьба, и трапеза, и собрание,—говорится в одном из ханских ярлыков,—то субашии, и придворные слуги, и мусульмане да не ходят и, говоря, что это есть свадебное право, ни денег, ни еды, ни питья да не требуют и не берут; в их дома, общества и собрания да не ходят: это запрещается и священным законом. Так пусть и ведают!“...

Чуфут-Кале было местом частной и религиозной жизни караимов, в Бахчисарае же они играли роль ремесленников и торговцев, имели право владеть собственностью: лавками, садами, промышленными предприятиями и т. п. „Чуфут-Кале населено евреями,—пишет в 1634 году монах д'Асколи, живший в то время в Крыму,—которые днем спускаются к лавкам в Бахчисарай, а вечером возвращаются домой“.

Являясь цитаделью государственного центра ханства—Бахчисарая, Чуфут-Кале в то же время входило в число поместий приближенного к ханскому двору бея Яшлавского. Сохранившиеся до нашего времени фамильные документы этого знатного рода довольно полно вскрывают происхождение и характер крымских феодальных порядков. Владея этим городом по праву завоевателя, беи Яшлавские, в период развития ханской власти, обязаны были каждый раз получать от своих сюзеренов-ханов ярлык, подтверждающий их право владеть старыми родовыми поместьями, как это водилось во времена феодальных отношений. Караимы Чуфут-Кале, таким образом, входили в число подданных Яшлавских беев, должны были подчиняться их суду и платить им всякого рода подати: „За торг,—читаем в одном ярлыке,—производимый в Чуфут-Кале евреями и армянами, взыскивать нижеследующее: если будут заниматься боем скота и продажей говядины, то с каждой скотины взимать по шести акчэ, с каждой овцы и козы по одной акчэ. Если будут возить вино из своих садов и виноградников, то с таковых взыскивать по пятнадцати акчэ с бочки... Если возьмут из своей среды девицу, с таковых при каждой свадьбе взыскивать по одному батману меду“... и т. д.

Бесправная, но сравнительно богатая караимская община служила своими средствами не одним беям Яшлавским. В трудные минуты ханское правительство, не стесняясь, черпало деньги из кошельков этих промышленников и торговцев. В рукописи караима Азари-бен-Ильягу, датированной 1777 годом, приводится следующий характерный в этом отношении факт: „Девлет-Герай-хан,—пишет он,—желая ограбить караимов, живущих в Чуфут-Кале, и монахов Успенского монастыря, взвел на них ложное

подозрение, будто они нашли на земле монастырской сосуд, наполненный золотом, и приказал наполнить такой сосуд золотом и возвратить ему. Вскоре хан прислал трех своих чиновников в Чуфут-Кале. Ворота города заперлись, и общество собралось в доме караима Вениамина, бывшего тогда тоже сановником при ханском дворе; чиновники объявили волю хана, чтобы караимы наполнили сосуд золотом. Мы не знали, что делать... и все общество просило помилованья у этих чиновников, доказывая свою невинность и невозможность этой находки... Но они отвечали на наши просьбы гордо и неучтиво, грозя одеть на всех железные оковы. Но слава Богу, что не оставил нас без заступников и покровителей: знаменитый наш гахам, ханский сановник, Вениамин-ага, предстал пред ханом в качестве посредника и выпросил согласие на сумму 1.200 груш (монета), которую выдало наше общество, пожертвовав всякий по своему состоянию. Монахи тоже должны были внести тысячу груш, после чего были освобождены от заточения“...

Но такое обирательство, покоясь исключительно на праве сильного, не носило характера определенной системы и, даже наоборот, некоторые ханы, признавая всю пользу этой небольшой купеческой общины, освобождали ее от многих общегосударственных налогов, давали им всякие льготы и гарантии. „Наши отцы и старшие братья, обитающие в раю,—да будет благословение Бога Всевышнего над всеми ими!— пишет Селямет-Герай,— жаловали все-милостивейшие ярлыки свои с красным нишаном и синею печатью—тарханные и льготные грамоты. А в их благодатном и милостивом содержании значится, что все живущие в верхней крепости (Чуфут-Кале) иудеи делаются тарханами—льготными. Поелику

теперь иудеи крепости пришли к моим счастливым воротам, показали прежние всемилостивейшие льготные ярлыки наших предков и, говоря: „в самом деле, новшества (новые налоги) до чрезвычайности, просто ужас как увеличены!“ заявили о своем угеснении, то новшества и притеснения беков крепости и рабочая повинность и службы им все уничтожено“...

Несмотря на всю вынужденность пребывания караимов в Чуфут-Кале и все неудобства его для жизни, в силу свойственной людям склонности к привычным условиям жизни, они свыклись с этой неприглядной обстановкой. Поэтому, когда приход русских в Крым дал возможность караимам свободного жительства повсюду, многие из них все-таки продолжали жить в Чуфут-Кале, сохраняя в неприкосновенности всю непритязательность старины, патриархальные обычаи и привычки. „В то время,—вспоминает уроженец Чуфут-Кале, С. Пигит,—к старикам относились с уважением и не пренебрегали ими и их словами: в то время отрок не величался перед старшим и презренный человек перед почтенным. Старики ежедневно собирались под навесом, который был посреди города перед мясной лавкой. Там была длинная скамья. Они сживали на этой скамье и беседовали друг с другом. В это время мы не могли ходить мимо них тою дорогою, потому что каждый мальчик, проходивший мимо, считался безнравственным и невоспитанным. Тем более женщины ходили не прямою, а окольною дорогою, при чем они не смотрели в сторону стариков, так как были очень скромны: лица у них, как у женщин на Востоке, были покрыты тогда чадрой... Наша жизнь в то время была очень простой и нужды наших домов—невелики“...

Отмеченное уже выше влияние татарской культуры на караимов не ограничивалось, таким образом,

областью внешних заимствований в одежде, устройстве домов и синагоги, но проникло и дальше, охватив собою более сложные стороны жизни — семью, воспитание и обучение детей. То же можно сказать и о многих обычаях, ходячих верованиях и, наконец, о народной словесности караимов. Эта полнота и сила влияния, а еще более караимский язык, по существу своему татарский, но с некоторой примесью архаизмов, необъяснимых из наречия крымских татар, заставляют некоторых исследователей отнести начало этого влияния ко временам более ранним, чем появление в Крыму татар, и приписывать его одной из предшествующих им здесь тюркских народностей. Однако, присоединение Крыма к России и последовавшие вслед за тем изменения в окружающей караимов среде обнаружили всю эластичность их натуры, способность к быстрому усвоению чужого языка и обычаев. В настоящее время большинство караимов говорит на русском языке, и по образу своей жизни, обычаям и привычкам мало чем разнится от окружающего их населения.

В самой глубине ущелья, охватывающего Чуфут-Кале с юга, под сенью небольшой рощи находится древнее караимское кладбище. Каменные известковые плиты однообразной формы—довольно узкие, с обрезанною под углом верхнею плоскостью, иногда с двумя невысокими возвышениями по краям, сильно изъедены временем, часто покрыты мхом и лишаями, иногда от тяжести вошли глубоко в землю. Деревья кажутся такими же старыми, как и самое кладбище. Это по большей части дубы—корявые, наполовину засохшие, покрытые массой паразитных растений. Вокруг буйно разросся молодняк, кусты кизила, орешник.

На долю этого печального, грустного места как исторического памятника выпало послужить предметом бурных споров в науке, до настоящего времени еще окончательно неразрешенных.

Происхождение и история караимов с давних пор являлась какой-то загадкой: с одной стороны, в памяти этой народности совсем не сохранилось воспоминаний о своем прошлом, с другой стороны, они несут в себе столько различных черт, что их трудно отнести к какой-нибудь одной определенной народной группе.

Успенский скит

Предания, связанные с Чуфут-Кале, выходят за хронологические рамки татарской эпохи. В истории Сейид-Мухаммед-Ризы сохранилось подробное известие о завоевании татарами этого укрепления, принадлежавшего раньше „гяурам, непохвальному народу, называемому Ас“. Это имя соответствует названию „аланы“, которым в средние века определялись остатки всех вообще сарматских племен, переживших в южно-русских степях время своего исключительного здесь господства (со II в. до нашей эры—до IV в. п.). Ближайшие сородичи скифов, заменив и впитав в себя эту народность, аланы вместе с тем усвоили и тяготение последней к греко-римской культуре, поддержанное и укрепленное долголетними связями с заморьем.

Очевидных памятников этой эпохи в Чуфут-Кале не сохранилось. Зато ближайшие окрестности Чуфут-Кале и Бахчисарая полны многочисленными остатками жизни более старого, чем татары, населения Крыма—потомков Алан и заменивших в свое время их Готов (конец III и IV в. нашей эры), под влиянием византийской культуры и, возможно

Успенский скит.

этнического смешения усвоивших вполне греческий язык, религию и хозяйственные навыки.

На обратном пути из Чуфут-Кале нам следует посетить один из этих памятников—б. Успенский скит, возникший на месте старого греческого монастыря, служившего когда-то религиозным центром проживавшего в районе Бахчисарая православного населения.

Сейчас же за зданием монастырской гостиницы, в настоящее время приспособленной под общежитие Собеса, крутая, извивающаяся тропинка ведет по осыпи к подножью скалы, в мягком известняке которой иссечена небольшая церковь и несколько приспособленных для жилья келий-пещер. Над церковью—большой рукописный на камне скалы образ деви Марии, именем которой называлось существовавшее когда-то у подножья горы греческое поселение Мариамполь—сельцо Мариино русских посольских сказок. Вся долина и сейчас еще носит название Мерьем-дере—оврага Марии.

Осмотр церкви и этих келий может, до некоторой степени, объяснить использование подобных сооружений, составляющих целую цепь, так называемых, пещерных городов в отрогах второй Крымской горной гряды. Всякого рода деревянные сооружения подсобного типа, характер отопления и т. п. могут с большею наглядностью показать, как человек в былые времена пользовался этими пещерами, чем те образчики пещерного строительства, какими богато Чуфут-Кале. Современный вид церкви не повторяет ее древнего устройства: уже в русское время она была значительно расширена, при чем был устроен новый контрфорс для поддержания места, занимаемого алтарем, и балкона, а также заново высечены ступени входа. К приходу русских

эта покинутая церковь представляла собою небольшую пещеру, в которой „по стенам оказалась испорченная живопись святых икон, алтарная перегородка была разломана, а в нише находилась масса человеческих костей, вероятно, перенесенных сюда после окончательного разложения тел“. Это место было однако весьма почитаемо местным населением, а средневековая религиозность приукрасила его рядом чудесных легенд. Один вариант этих сказаний заключает в себе весьма распространенный мотив о случайном нахождении в скале иконы св. девы пастухом Качинского кн. Михаила. Перенесенная в дом князя эта икона чудесным образом снова оказалась на старом месте и тем как бы избрала место будущего монастыря. В параллель с этим простодушным сказанием существовал другой вариант той же легенды, носящий на себе печать более искусственной церковной обработки. Автор скифской истории Андрей Лызлов так передает его: „был некогда в этих каменных горах великий змей, пожиравший и скотов и людей, отчего все это место стало пусто. Но так как в окрестностях жили еще греки и генуэзцы, они молились пресвятой богородице, чтобы она освободила их от этого змея. И вот, однажды ночью увидели они в горе той свечу горящую, в месте, куда нельзя было взойти, благодаря крутизне скалы. Вытесавши ступени из камня и взобравшись туда, они увидели образ пресвятой богородицы и перед ней горящую свечу и тут же вблизи нашли того змея, лежавшего мертвым“... В этой передаче легенды нельзя не видеть стремления символически выразить религиозную борьбу местного христианского населения против пришлых иноверцев. Однако любопытно, что образ свечи, фигурирующий в этой легенде, является нечуждым

многим мусульманским преданиям того же рода, одно из которых даже связано с тем же местом. Один из крымских старожилов в свои записки об Успенском монастыре занес местное Бахчисарайское поверье, будто вблизи храма, в одной из пещер ежедневно по пятницам горит зеленая свеча и здесь сохраняется пика какого-то мусульманского святого.

Освященный религиозной легендой, расположенный вблизи политического центра ханства Успенский скит с середины XVIII века делается средоточием греческой церковной жизни всего полуострова, а затем и тем местом, в котором определилась судьба всего старого христианского населения Крыма, где было решено и откуда было выполнено в 1778 году поголовное выселение крымских христиан в Мариупольские степи. Этот факт, теперь довольно основательно забытый, но в свое время имевший огромное значение и в хозяйственной и политической жизни Крыма был первым в ряде тех катастроф, которыми сопровождалось покорение Крыма Россией, и Успенский скит является топографическим памятником этого печального события.

Христианское население Крыма, состоявшее из греков и огречившихся потомков северных пришельцев—алан, готов и армян—сосредоточивалось, главным образом, в предгорной и горной части Крыма, а также составляло значительный процент крымского городского населения. Оно было лично свободным, имело право собственности и свободу вероисповедания. Согласно шариату все христиане были обложены особою податью, доставлявшею значительный доход казне. В хозяйственном отношении они представляли весьма важную группу населения, сыгравшую исторически большую роль в жизни ханства, будучи передатчиками пришедшим татарам

навыков земледельческой и горной культуры и сохраняя это свое значение до последних времен своего пребывания в Крыму. Экономически тесно связанные с татарским населением, они, в особенности греки, все более поддавались мусульманской культуре, постепенно утрачивая родной язык и обычаи. В особенности это чувствовалось в районе Бахчисарая и Балаклав, где христианское население не только, забыв свой греческий язык, говорило на татарском, но на нем же исполняло и свои церковные службы.

Занимая в ханской монархии, сохранившей довольно отчетливо хозяйственный и политический быт средневековья, вполне точное и определенное место как бы отдельного сословия, в своих хозяйственных и политических отношениях к государственной власти более бесправного, чем остальное мусульманское земледельческое и торгово-промышленное население, крымские христиане не терпели однако от татар каких-либо особых притеснений.

Несколько в ином отношении находилось местное христианское духовенство. Будучи так сказать официальными охранителями национальности и религии, они представляли собою наиболее активную и устойчивую массу, являвшуюся в теле своей нации своего рода высшим сословием, руководителем народной жизни, сохранившим до известной степени старые политические традиции. Крымское духовенство, как и повсюду, жило средствами своей паствы, превратив в доходную статью все церковные обряды—крещение, венчанье, похороны.

В целях материальной и моральной поддержки оно очень рано вошло в сношения с Москвою. Бахчисарайское греческое подворье, а также и селение Мариамполь сделались местом постоянного

пребывания послов в тех случаях, когда им разрешалось право выбора местожительства, а пещерная церковь Успенского монастыря стала все чаще упоминаться в посольских отписках.

По мере все более ясно обнаруживавшегося стремления России овладеть северным черноморьем и Крымом эти частые сношения с русскими должны были внушать ханскому правительству определенные подозрения против представителей греческой церкви, особенно во второй половине XVIII века, когда вопрос о завоевании Крыма определенно приблизился в своему завершению. Крым не был еще официально присоединен к России, но русские уже самовластно распоряжались в нем. Двусмысленность поведения духовных руководителей не могла не отразиться на общем положении всего вообще христианского населения, вызывая тревогу и опасение возможных репрессий со стороны угасавшей под мощным натиском северных соседей Крымской власти. Это до некоторой степени создавало возможность проповеди о переселении из Крыма в пределы России—идеи, возникшей в среде русских государственных деятелей и легко воспринятой греческим духовенством.

Главным двигателем всего сделался митрополит Игнатий, с которым русское правительство помимо существовавшей еще ханской власти вело все переговоры об условиях переселения. Проповедь духовенства и энергичные действия известного своей решительностью Суворова, которому было поручено организовать это переселение, возымели свое действие. В течение 1778 года выселилось из Крыма более тридцати одной тысячи христиан, из которых почти половина приходилась на долю городского населения. Переселение это совершалось не вполне

оохотно. Многие скрывались и прятались, иные принимали мусульманство, чтобы только остаться в родном Крыму.

Однако решительности действий русского правительства совершенно не соответствовала неумелая организация самого переселения. В силу отсутствия в надлежащем количестве транспорта, строительных материалов и припасов голод, холод и болезни уничтожили чуть ли не половину переселенцев, и митрополиту Игнатию пришлось выпить горькую чашу позднего раскаяния. „Дорогою и по приезде сюда,—пишет он русскому резиденту при ханском дворе Константинову,—что я от переселенцев вытерпел—одному только Богу известно. Заткнув уши, уклоняюсь я от слуха речей их, ибо если на их требования ответствен, то давно уже лишили меня жизни. Все то я терпеливо сношу, но Бог праведен! вы меня ввергнули в глубину огня и в нем страдать оставили; я Вас оставляю Божию Правосудию, который воздаст Вам по делам Вашим; ибо по Вашим словам я попался в сию пасть“.

Таким образом Успенский скит оказался главным топографическим памятником этого беспримерного насилия царизма над мирным населением.

Кыз-Кермен и Тепе-Кермен

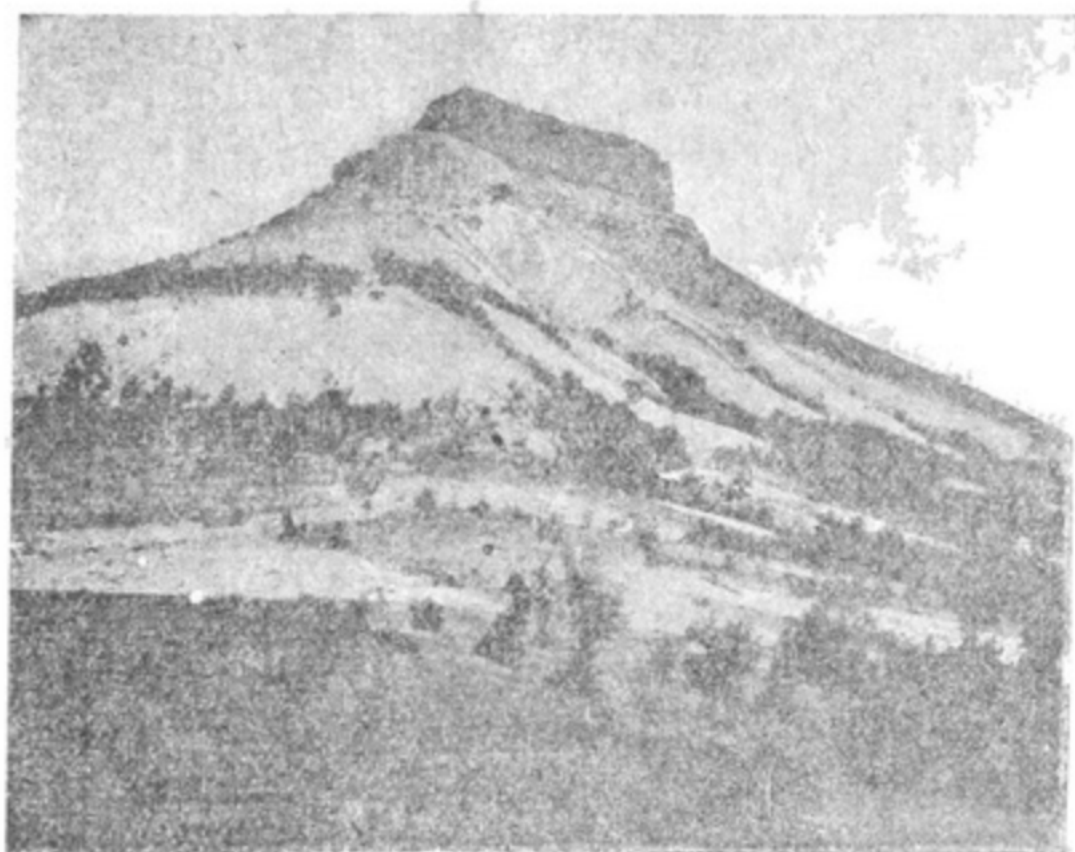
Горный Крым до сих пор еще сохраняет много остатков жизни этого древнего своего населения, хранившего в себе последние крохи той мощной культурной волны, которая докатывалась когда-то до берегов Крыма из центров греко-римской цивилизации. Бедны эти памятники своим содержанием—кладбища, остатки укреплений, развалины храмов и часовен, пещерные монастыри и могильники, затерявшиеся среди новой по духу и формам жизни. Они обвеяны

далекой чуждой стариной, но не следует проходить мимо них без внимания. Глядя на иной из них, ясно и отчетливо почувствуешь все богатство и сложность современной жизни и сознание пройденного человечеством пути, измеряемого не столько количеством истекшего времени, сколько качественно изменившимися формами жизни, наполнит сердце радостью за светлое будущее. В ближайших окрестностях Бахчисарая находятся два таких памятника, это—урочища Кыз-Кермен и Тепе-Кермен. Глубоким, подлинным средневековым чувствуются эти немые свидетели прошлого, не тронутые ни одним штрихом современной нам жизни.

Удобнее всего пройти в Тепе-Кермен проселочной дорогой, которая, начинаясь в районе греческой церкви, поднимается на пологую возвышенность в Ю-В направлении. Она приводит к источнику (где необходимо запастись водой) и затем почти под прямым углом сворачивает направо. Обогнув группу причудливо выветрившихся известковых скал по левой руке от дороги, следует пойти на небольшую тропинку, отходящую от проселка к Ю-В. Сначала распаханными полями и затем зарослями кустарников эта тропинка приведет к крутому обрыву глубокого заросшего густыми порослями ущелья. В рамке расширяющихся сторон его справа правильными формами усеченного конуса отчетливо выступает мощный массив Тепе-Кермена (по-татарски—Холм-крепость).

Чтобы разыскать Кыз-Кермен, следует, не спускаясь с плато, пройти в направлении Тепе-Кермена с версту до того места, куда не станет виден южный мыс Тепе-Кермена и весь он не откроет свой удлиненный профиль. Обнаженные известняки поверхности плато скоро обнаружат следы

работы над ними человека—прямоугольной формы высеченные водоемы, служившие когда-то для собирания воды. В наиболее узком месте плато, на уровне Тепе-Кермена дорогу преградит груда развалин крепостной стены, подобно стенам Чуфут-Кале, загораживающей доступ к остальной части плато.

Тепе-Кермен.

Ближе к левому обрыву в развалинах стены можно разыскать место бывших ворот и основание защищавшей их башни. Внутренность укрепления полна развалин надземных построек, имевших во многих случаях странную круглую или овальную форму. Среди них попадаются осколки битой черепицы довольно поздней византийской эпохи. Кое-где под развалинами можно заметить иссеченные в известняке скалы подземные сооружения, имевшие, очевидно, назначения погребов. Наиболее интересными представляются два места—одно по левой стороне

обрыва, напротив Тепе-Кермена, где в обнаженном известняке скалы высечена целая группа виноградных давлений, а несколько дальше в отвесе скалы находится единственная пещера Кыз-Кермена с очень опасным спуском в нее по едва заметной лестничке, на небольшой выступ, когда-то во время ее пользования огражденный деревянным балкончиком. Ясные следы деревянного переплета хорошо заметны в ряде круглых ямочек пола. На противоположной стороне плато можно легко разыскать высеченную в известняке лестницу с изъеденными выветриванием ступенями, ведущую на дно противоположной долины, вероятно, к существовавшему когда-то на дне его источнику или колодцу. Вот и все, что сохранило время от этого когда-то полного жизни и деятельности поселения. Кругом тишина, лишь изредка нарушаемая голосами птиц и цикад. Почти обнаженное темя плато раскалено солнцем, трудно найти хоть кусочек тени. Нигде не видно человеческого жилья, нет следов людской работы, и лишь мертвые темные пещеры соседнего Тепе-Кермена своим немym языком навевают ту же сказку прошлого.

Татарское предание называет эту местность Кыз-Кермен—крепостью девы и связывает возникновение ее с Тепе-Керменом. У слабого, но хитрого Тепе-керменского князя была сестра, которая не могла примириться с его властью и построила себе это укрепление. Она была смелая и энергичная девушка, любила мужские забавы и большую часть времени проводила на охоте. Во время одной из них князь вместе с приближенными подстерг и убил ее, зарубив труп на части. Они до сих пор еще лежат окаменелые среди кустарника у подножья скалы. Другой вариант этой легенды более романтичен и поведствует о любви двух братьев, князей Тепе-

керменских, к одной и той же девушке, любви, вызвавшей ссору, раздел и насильственное убийство. В этих приукрашенных фантазией сказаниях чувствуется весь дух жестокого прошлого, весь уклад суровой жизни средневековья, заставлявший искать людей себе защиты и более или менее безопасного существования под защитой этих неприютных скал.

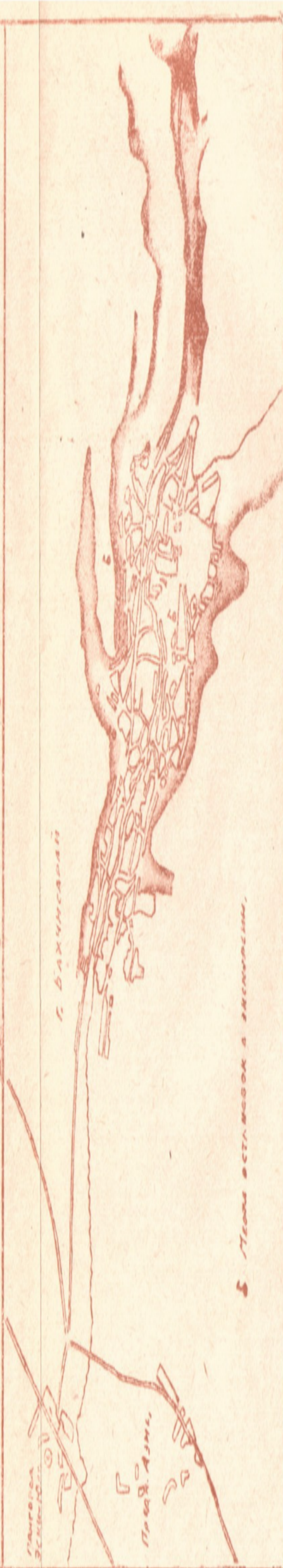
Попасть в Тепе-Кермен (1779 фут. над уровнем моря и около 750 над окружающей местностью) можно, только возвратившись на прежнюю тропинку, и, следуя ей, спуститься на дно ущелья. Наиболее удобное место подъема на вершину его с С-В стороны. Подъем достаточно крут, чтобы дать почувствовать те хорошие условия защиты, какие представляло это небольшое укрепление. Весь массив известняка горы источен точно соты меда рядами искусственных пещер, расположенных иногда целыми ярусами. Общее количество их, по подсчету экспедиции Крымского Общества Естествоиспытателей, достигает 250. Они имеют разную форму и носят на себе печать использования человеком для каких-то нужд, но за исключением некоторых из них, явно жилых или погребальных и двух церквей, назначение это остается до сих пор еще неразгаданным. Следуя тропинке, ведущей на плато в западном направлении, можно довольно легко разыскать малый пещерный храм по каменному кольцу, хорошо заметному у входа в одну из пещер на уровне человеческой головы. Это 25-я пещера, считая от С-В подъема. Стены храма высечены весьма аккуратно, и весь он имеет правильную форму. В алтарной части имеются углубление для престола и следы когда-то бывшего иконостаса. Справа от алтаря—небольшое помещение для ризницы. На полу храма высечены две гробницы, а напротив алтаря—небольшой выступ

для сиденья. На стенах церкви есть две надписи—одна, сильно попорченная греческая, в правом углу алтаря, другая—по левой стороне входа; она состоит из нескольких древне-еврейских букв в ободке довольно правильного орнамента. Разыскать вторую значительно большую церковь легче всего с вершины плато. Она находится на С-В его склоне и, следуя краю обрыва, ее сравнительно легко найти по заметным на выступе известняка ниже плато прямоугольным углублениям гробниц. Эта церковь еще более сложна в своих частях. Стены алтаря,—остов иконостаса, иссечены из цельного камня—на нижних стенах его изображены большие кресты, а верхняя часть представляла собою когда-то шесть колонн, в промежутках между которыми были вставлены иконы. Под окном алтаря—углубление для жертвенника, а с правой стороны его, в углу, в складках сохранившейся еще, покрывавшей когда-то стену известки, можно легко различить контуры изображения Христа, написанного прямо на стене. Направо от алтаря—две гробницы в полу храма, а у стены высеченный баптистерий—крещальня, с правой стороны которой на стене вырезана монограмма Феос—Боже. Трудно судить о времени возникновения этих церквей, как и вообще всех пещерных сооружений. По этому поводу существует довольно много всяких соображений более или менее правдоподобных, но в полной мере еще не доказанных. Несомненным является, повидимому, одно—это связь крымских сооружений подобного рода с таковыми же Малой Азии, связь, подтвержденная всей историей культурных влияний на Крым с юга, через Черное море. Стремясь хронологически осмыслить эти несомненные признаки былой жизни, приходится пользоваться весьма немногими сохранившимися указаниями. Тако-

вым для этой церкви является надпись над гробницей, высеченной в стене сейчас против входа в церковь. Она гласит: „Выкопана могила сия по собственному моему желанию мною Полит....ом. Расширение (сделано) от раба божия благочестивейшего Михаила“... Судя по характеру букв и стилю языка, академик Латышев, известный знаток крымской эпиграфики, предположил время ее начертания в IX, в крайности X веке. Вокруг церкви, на поверхности выступа скалы высечена целая группа более просторных гробниц. Такая же группа имеется еще на восточном и южном склонах горы.

На поверхности плато сохранились кое-где ясные остатки надземных сооружений, в перемежку с еще заметными пещерными углублениями, похожими на Кыз-Керменские. С вершины горы открывается широкий вид, дикий и унылый на востоке, севере и западе и ласкающий зеленью Качинской долины на юге. За нею в легкой дымке виднеются опять горы, в ущельях и долинах которых скрыты такие же мертвые и унылые остатки давно ушедшей жизни. И невольно припоминаются слова русского попа Иакова, в первой половине XVII века посетившего Крым и видевшего эту жизнь своими глазами: „много гор высоких тянутся до самых железных ворот и до Таманского перевозу к востоку и высоки так, что трудно сказать—облака ходят низко в полу гор, а по горам многие христианские церкви и промеж гор живет христиан много. Около тех церквей селения в горах, подобно стридам, свод к своду, высоко и низко, на полверсты и больше. В иных живут гречане, иные пусты“. Трудно все таки предположить, чтобы в Тепе-Кермене было когда либо значительное человеческое поселение. Вероятно, верхушка плато с его надземными сооружениями

представляла собою небольшую крепость, собиравшую к себе окрестное население в минуты военных и иных опасностей, а в пещерах был небольшой монастырек, почитаемый в округе и служивший местом последнего успокоения благочестивым христианам. Но не одни только христиане пользовались, по-видимому, пещерами Тепе-Кермена. Среди весьма любопытных и хорошо высеченных пещер на южном мысе плато находится одна, на боках входа в которую вырезана надпись древне-еврейскими буквами, как-бы подтверждающая сохранившееся у Кондараки предание о том, что караимские кожевники пользовались наравне с Мангубом и Тепе-Керменом, благодаря обилию среди кустарников его дубильных веществ.

5. Топографическая карта.

Цена 60 к.

1880

B 9635

КРЫМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — СИМФЕРОПОЛЬ, СОВЕТСКАЯ, 8
ОТДЕЛЕНИЯ: в Севастополе, Феодосии, Керчи, Ялте, Евпатории,
Бахчисарае, Алуште, Джанкое и Карасубазаре.